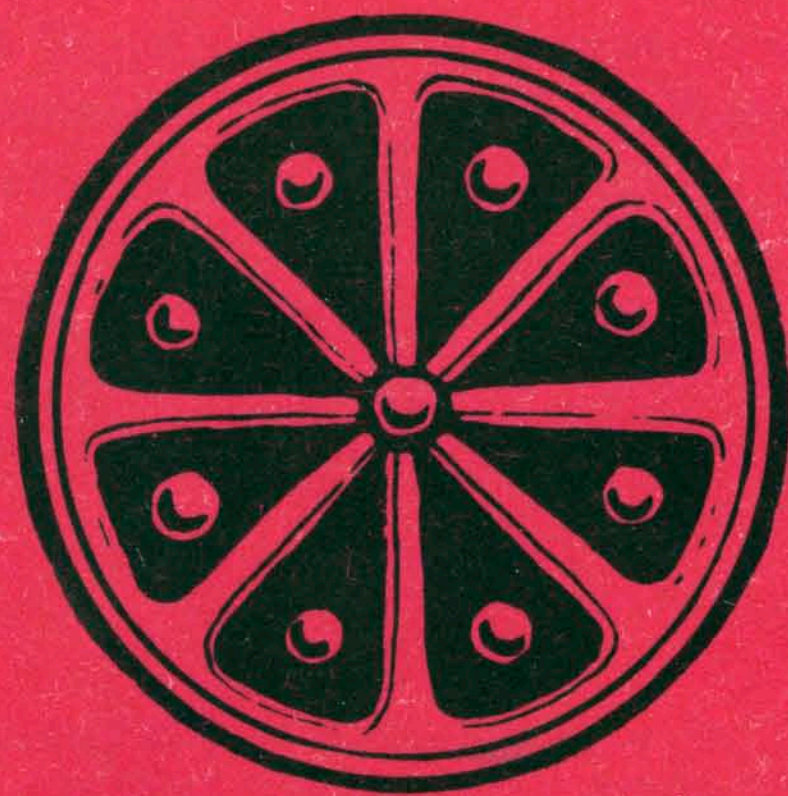

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

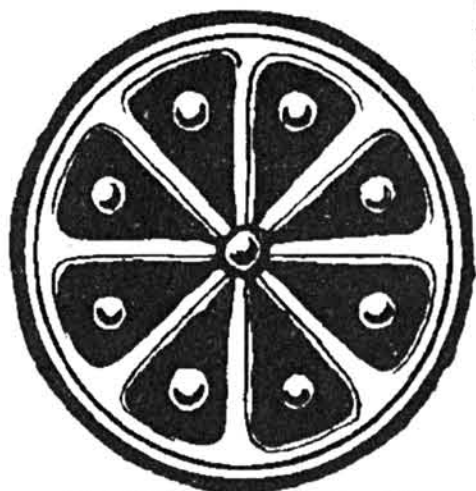
1995

№ 6

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 6

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

1995

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

Редакционная коллегия:

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор)
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков
Г. В. Цулая, С. В. Чешко (зам. гл. редактора), Д. А. Функ, Е. А. Шервуд

Отв. секретарь Л. Т. Соловьева

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс. 938-06-00

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии и редакции

*В 1995 году журналу оказана финансовая поддержка
Российским фондом фундаментальных исследований
по проекту № 95-06-95013*

К 50-летию ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 6

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ III, ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (некоторые вопросы истории)

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет.

А. Ахматова

1941 год начался в Институте этнографии АН СССР с важных кадровых изменений. 2 января в приказе за № 2 сообщалось о постановлении Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г.: «§ 1.1. В связи с назначением академика Струве Василия Васильевича директором Института востоковедения АН СССР, освободить его от должности директора Института этнографии АН СССР. 2. Назначить проф. Винникова Исаака Натановича директором Института этнографии Академии наук СССР с последующим представлением общему собранию АН СССР»¹. В тот же день был издан еще один приказ, за № 3: «На основании постановления Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г. сего числа принял должность Директора Института этнографии АН СССР и приступил к исполнению обязанностей директора Института. Директор Института проф. И. Н. Винников»².

Исаак Натанович Винников (1897—1973)— крупная фигура среди этнографов довоенного периода³. К сожалению, его роль в развитии отечественной этнографии как педагога, исследователя, организатора науки до сих пор не стала предметом специального изучения и не оценена по заслугам. Ученик Л. Я. Штернберга и И. Ю. Крачковского, он после окончания в 1925 г. ЛГУ был оставлен там для преподавательской деятельности на этнографическом отделении. С 1929 г. началась его активная творческая жизнь в Музее антропологии и этнографии, а с февраля 1933 г. в Институте антропологии и этнографии АН СССР. Здесь он зарекомендовал себя как организатор науки, являясь ученым секретарем и заведующим отделом, а также как крупный исследователь социального строя, систем родства, издатель трудов Г. Л. Моргана на русском языке. С восстановлением в ЛГУ этнографического образования он одновременно возглавлял на филологическом факультете кафедру этнографии. В 1941 г. на основе собранных полевых этнографических материалов Винников защитил диссертацию «Арабы в СССР (этнография, фольклор и язык)» и был удостоен ученой степени доктора филологических наук. Именно поэтому назначение этнографа И. Н. Винникова на должность директора Института этнографии АН СССР после языковеда акад. И. И. Мещанинова и востоковеда акад. В. В. Струве можно рассматривать как факт положительный.

Институт этнографии с Музеем антропологии и этнографии в его составе являлся в довоенный период ведущим этнографическим центром в системе Академии наук и в стране в целом. В нем работали такие известные этнографы, как член-корр. АН СССР Д. К. Зеленин, профессора А. Н. Генко, Е. Г. Кагаров, Н. В. Кюннер, а также С. А. Штернберг, С. М. Абрамзон, Е. Э. Бломквист, Г. М. Васильевич, Г. Д. Вербов, Н. Н. Волков, К. В. Вяткина, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, А. Н. Кондауров, Н. П. Никульшин, Л. Б. Панек, А. А. Попов, Г. Н. Прокофьев, А. Л. Троицкая, Н. Б. Шнакенбург и др. При Институте тогда же работала редакция сборника «Советская этнография», которую возглавлял И. Н. Винников.

Первая половина 1941 г. проходила в Институте под знаком реорганизации. Вместо существовавшей ранее параллельной структуры Кабинетов в Институте и Отделов в Музее создавалась новая, единая структура. Приказ за № 24 от 17 февраля гласил: «§ 1. В целях более тесной увязки научно-исследовательской музейной работы, в целях максимально эффективного использования научных работников Института для разрешения стоящих перед ним актуальных задач, а также для внесения большей стройности в структуру Института и укрепления отдельных его звеньев, провести следующие мероприятия:

1. Объединить Кабинет Сибири с Отделом Сибири и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Сибири“.

2. Объединить Кабинет Средней Азии с Отделом Передней и Средней Азии и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Передней и Средней Азии“.

3. Объединить Кабинет Европы с Отделом Европы и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отделом Европы“.

4. Объединить Кабинет Восточной и Южной Азии с отделами Дальнего Востока, Индии, Индонезии и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Восточной и Южной Азии“.

§ 2. Назначить заведующим Отделом Сибири Г. Н. Прокофьева. Назначить заместителем заведующего Отделом Сибири старшего научного сотрудника Г. Д. Вербова.

§ 3. Возложить временно исполнение обязанностей заведующего Отделом Передней и Средней Азии на старшего научного сотрудника Н. А. Кислякова. Назначить заместителем заведующего отделом Передней и Средней Азии младшего научного сотрудника В. В. Екимову.

§ 4. Назначить заведующим Отделом Европы члена-корр. АН СССР. проф. Д. К. Зеленина.

§ 5. Назначить заведующим Отделом Восточной и Южной Азии проф. Н. В. Кюннера. Назначить заместителем заведующего Отделом Восточной и Южной Азии старшего научного сотрудника К. В. Вяткину»⁴.

В марте реорганизация продолжилась. В приказе за № 33 от 4 марта говорилось: «§ 1. Объединить Отдел Африки с Отделом Австралии и Океании и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отделом Австралии, Океании и Африки“. § 2. Заведование Отделом Австралии, Океании и Африки принимаю на себя»⁵.

Последним был реорганизован Отдел Америки (приказ за № 38 от 11 марта): «§ 1. Влить Отдел Центральной и Южной Америки в состав Отдела Северной Америки и последний именовать „Отдел Америки“... § 3. Вр. и. о. заведующего Отделом Америки принять дела и научные материалы бывшего Отдела Центральной и Южной Америки»⁶.

В дальнейшем, еще в мирное время, производились некоторые кадровые перемещения и небольшие структурные изменения. Этой работе дирекция, как видно, придавала большое значение. И это естественно, ибо затрагивались коренные проблемы взаимоотношений Музея и Института, музейной деятельности и научно-исследовательской работы. Прежняя система, таким образом, была разрушена, а новую так быстро в первую половину года отработать по-настоящему не удалось.

Ведь имелось немало и других дел, также достаточно важных. Институт этно-

графии просил Президиум АН СССР о финансировании в 1941—1942 гг. дезинфекционной камеры⁷. Уже давно остро стоял вопрос о фондах для хранения коллекций Музея. Новая дирекция поставила вопрос о передаче для этнографических фондов помещения бывшего Геологического музея (Биржевой проезд, 6)⁸. Рассматривался и вопрос создания «Общества музееведов»⁹.

В Институте существовала традиция отмечать годовщины трудовой деятельности сотрудников в Институте. В приказе за № 1 от 2 января 1941 г. сообщалось о постановлении Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г. премировать проф. Н. В. Кюнера в связи с 40-летием его научной деятельности¹⁰. В приказе за № 5 от 8 января 1941 г. директор Института объявлял благодарность заведующему Кабинетом Европы и Библиотекой члену-корр. Д. К. Зеленину за большую и плодотворную работу в области этнографического изучения народов СССР и активное участие во всех начинаниях Института. В тот же день с таким же юбилеем поздравляли и проф. Е. Г. Кагарова¹¹.

11 марта в связи с 10-летием работы в Институте препаратора А. А. Лукашиной дирекция отметила ее «высокосознательное отношение к своим обязанностям, исключительную заботу о сохранении музейных коллекций и постоянное стремление к повышению своей производственной квалификации»¹². В связи с исполнявшимся 26 апреля 40-летием непрерывной работы в Музее научно-техническому сотруднику Отдела археологии Н. Р. Косниковскому была объявлена благодарность. Торжественно коллектив Института отметил 18 июня 20-летие трудовой деятельности машинистки Александры Николаевны Калдыкиной, всеобщей любимицы. Дирекция объявила ей благодарность и выдала премию в размере месячного оклада¹³.

Наступило лето — пора экспедиций. 17 июня в Тюмень, Тобольск и в Ханты-Мансийский национальный округ Омской области для сбора материалов по этнографии хантов и закупки этнографических коллекций выехала Н. Ф. Прыткова. 18 июня к вепсам Винницкого района Ленинградской области отправился Н. Н. Волков. До сентября в длительную командировку — в Ташкент, Маргилан и другие города — отбыла А. Л. Троицкая. В командировку в Москву 14 июня поехал антрополог Е. В. Жиров, а этнограф Н. А. Кисляков собирался 23 июня отбыть в Сталинабад. Заведующий Отделом учета и хранения И. Я. Треногов и исполняющий обязанности ученого секретаря Н. И. Насекин получили положенные отпуска. 19 июня вернулся из командировки по закавказским республикам заместитель директора Института С. М. Абрамзон, куда он выезжал для ознакомления с работой этнографических учреждений Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР и по делам Института¹⁴.

Казалось, Институт жил обычной жизнью, решая повседневные и перспективные задачи как любое академическое учреждение страны. Но возникали и непредвиденные ситуации, также характеризовавшие то время. Так, с 9 апреля в связи с призывом на длительные военные сборы был уволен кочегар М. В. Евстратов¹⁵. Еще раньше ушел в армию научный сотрудник А. В. Мачинский¹⁶. Приказ за № 74 от 6 мая обязывал сотрудников Института сдать нормы ПВХО, т. е. противовоздушной и химической обороны. Прием норм и консультации для сдающих нормы возлагался на химинструкторов Е. В. Жирова, В. В. Федорова и И. Я. Треногова.

Приказ за № 87 от 4 июня обязывал всех сотрудников в период с 9 по 14 июня ежедневно являться на работу с противогазами. Заместителю начальника объекта местной противовоздушной обороны (МПВО) Ф. Б. Шапиро предписывалось провести с сотрудниками занятия. Очевидно, поступило какое-то указание сверху, поэтому «начальник объекта» директор Института проф. И. Н. Винников предложил Шапиро продлить занятия по МПВО с 17 по 20 июня включительно (приказ № 96 от 17 июня 1941 г.)¹⁷. Однако в Музее с коллективом никаких учебных мероприятий, судя по документам, не проводилось. Очевидно, разного рода учения по МПВО и ПВХО проводились без осознания сотрудниками надвига-

шейся реальной угрозы, хотя Институт, по решению властей, и был объявлен военным объектом...

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР объявил в Ленинграде и Ленинградской области военное положение. Уже на следующий день после начала войны в связи с мобилизацией в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию были уволены из Института дворник П. Д. Рыжак, научно-технический сотрудник Г. А. Гловацкий, младший научный сотрудник А. А. Савинич¹⁸.

Велик был патриотический порыв ученых, как и всех ленинградцев, отдать все силы на разгром врага¹⁹. Добровольцами записались на фронт молодые сотрудники и аспиранты Института этнографии Н. П. Никульшин, Г. Д. Вербов, Н. Б. Шнакенбург, Н. Н. Волков, Д. Н. Лев, Г. Н. Прокофьев, А. Н. Нечаев, Л. И. Лавров и др. Среди них находились и те, кто по состоянию здоровья имел освобождение от воинской обязанности.

В 1941 г. ушли в армию по мобилизации или добровольцами все военнообязанные сотрудники²⁰. При знакомстве с приказами по Институту этнографии АН СССР создается впечатление, что и дирекция и уходившие на фронт сотрудники верили: война будет непродолжительной. Фронтовиков сразу не отчисляли из штата. Это было сделано много позже. И тем не менее в Институте предпринимались необходимые меры по сохранению здания и коллекций. Приказом директора 23 июня с 18 часов в Институте устанавливалось круглосуточное дежурство. В тот же день в целях сохранения музейных ценностей создавалась бригада (начальник С. М. Абрамзон, его заместитель Р. И. Каплан) из трех звеньев (начальник А. А. Попов, С. В. Иванов, Д. А. Ольдерогге), а также санитарное (начальник Б. Ф. Фирштейн) и пожарно-санитарное (начальник Н. Е. Панов) звенья²¹.

С 25 июня до особого распоряжения был закрыт Музей для одиночных посетителей. Сотрудникам Института категорически запрещалось принимать кого бы то ни было без соответствующим образом оформленного пропуска. Причем, и в этом случае вход в Институт допускался только в рабочее время — с 9 часов 30 минут до 18 часов²². В связи с уходом в армию И. Я. Треногова заведующим Отделом учета и хранения с 26 июня назначался А. А. Попов. Приказом от 30 июня в Музее было организовано специальное хранилище, ответственным за которое назначался Р. И. Каплан²³. В Музее приступили к свертыванию экспозиций и подготовке коллекций к эвакуации.

В июле 1941 г. все академические учреждения Ленинграда спешно готовили к эвакуации ценное оборудование и музейные коллекции. Враг рвался к городу и это создавало большие трудности²⁴. Прежде всего следовало подготовить тару. Для эвакуации музейных коллекций, научных рукописных материалов и редких книг специально было изготовлено 320 и отремонтировано 25 имевшихся в наличии ящиков. Всего было подготовлено 314 ящиков, в том числе 289 с музейными экспонатами (около 20 тыс. предметов), и 25 ящиков с наиболее ценными книгами библиотеки²⁵. Однако из-за стремительного захвата немцами станции Мга и блокады Ленинграда (с 8 сентября) оказалось невозможным вывезти подготовленные к отправке бесценные грузы.

Справедливости ради надо признать, что в таком положении оказалось большинство учреждений АН СССР и музеев города²⁶. По договоренности с Государственным Эрмитажем 125 ящиков с наиболее уникальными предметами в конце сентября — начале октября 1941 г. были сданы на хранение в его подвалы. От имени Института передачу ящиков осуществляли заместитель директора С. А. Абрамзон и заведующий специальным хранилищем Р. И. Каплан. От Эрмитажа приемку производили заместитель директора М. Э. Матье и старший инспектор по учету и хранению Н. Г. Шпринцин²⁷.

Все другие ящики и наиболее крупные предметы были размещены в залах первого этажа старой части здания Института, под его прочными сводами. Некоторые вещи оставались сложенными внизу в экспозиционных шкафах. Часть экспонатов, в том числе заспиртованные коллекции Петровской Кунсткамеры

(около 2000 банок) разместили в специально отведенных подвальных помещениях здания МАЭ²⁸. Итоги этой большой и кропотливой работы были подведены на общем собрании научных сотрудников Института 24 октября. Определены были и перспективы на ближайший период²⁹.

Само время, сложившаяся обстановка и руководство города ставили перед коллективом все новые и новые задачи. Большую опасность для исторического здания Кунсткамеры представляло размещение на его башне огневой зенитно-пулеметной точки, откуда первое время велось наблюдение за продвижением противника. Окна угловых кабинетов первого этажа были заложены кирпичом, а незакрытые щели служили амбразурами. Напротив здания на Университетской набережной были устроены дзоты. Вход в Таможенный переулок преграждало проволочное заграждение³⁰. К счастью, огневая точка на башне здания просуществовала недолго.

30 июня по приказу директора появился институтский штаб МПВО в составе С. М. Абрамзона (начальник штаба), Ф. Б. Шапиро и А. Н. Кондаурова. В Кабинетах Института были поставлены бочки с водой, сложены лопаты, щипцы и ломы³¹, а 65 окон подверглись затемнению. В различные звенья общеинститутской команды МПВО было включено 26 сотрудников; в их обязанность входило круглосуточное дежурство в две смены. Для организации телефонной связи штаба с объектами в Институте и в фондах сотрудники уложили телефонный кабель. Они провели очистку чердака, стропил, обрешетки, сделали частичное покрытие двух обрешеток огнестойким раствором. На чердак площадью в 450 кв. м была поднята тысяча ведер песка, который уложили ровным слоем. На чердак же дополнительно подняли еще 300 ведер песка для тушения зажигательных авиабомб³². И хотя это делалось ценой невероятных усилий, все сотрудники понимали настоятельную необходимость и полезность проводимых мероприятий.

Угроза зданию была вполне реальной. Сотрудникам удалось потушить несколько бомб на крышах зданий Института и фондов, что нашло отражение в приказах дирекции. Вот один из документов того периода: «Во время воздушного налета в ночь с 10 на 11 сентября с. г. одна зажигательная бомба упала на крышу здания Института в районе поста № 3. Попадание бомбы было своевременно обнаружено начальником поста, главным бухгалтером Института Л. И. Судаковым, который быстро потушил бомбу и тем предотвратил возникновение пожара. За энергию, смелость, а также высокую бдительность, проявленные Л. И. Судаковым во время воздушного налета фашистских стервятников, объявляю ему благодарность».

К сожалению, у людей не всегда хватало сил справиться с вражеским огнем. Так, в ночь на 18 октября 1941 г. сгорело перекрытие башни здания Института. И в тяжелых условиях блокады дирекция обратилась в Отдел охраны памятников с просьбой сделать временное перекрытие, которое в целом сохраняло бы контуры исторического здания Петровской Кунсткамеры³³.

С 8 июля 1941 г. все сотрудники приступили к обязательному обучению методам противовоздушной и противохимической обороны. Ответственным за подготовку сотрудников к противовоздушной обороне был назначен инструктор ПВХО археолог В. В. Федоров. Позднее обязанности начальника противохимической защиты объекта возлагались на антрополога Е. В. Жирова. С 8 июля всем сотрудникам вменялось в обязанность постоянно иметь при себе противогазы³⁴.

Вскоре после начала войны коллектив Института, как и все горожане, участвовал в окопных работах под Новгородом, Шимском, на Карельском перешейке, у деревни Девяткино и в других местах³⁵. С 3 сентября ответственным за выполнение оборонных работ назначался антрополог А. Н. Юзефович. Работало одновременно несколько групп: с 14 по 26 июля 16 человек, с 17 по 30 июля 7 человек, с 22 июля по 8 августа — 5, с 23 по 30 июля — 13, с 28 июля по 13 августа — 10, с 11 по 19 августа — 12 человек и т. д.³⁶

Г. Д. Вербов из Красного Села писал в Институт: «Я со своей стороны стараюсь оправдать свое новое звание и работаю изрядно»³⁷. Б. В. Фирштейн докладывала:

«Группа благодарит дирекцию за проявленную заботу о ней. Продукты оказались кстати, а также деньги. Сегодня впервые получили хлеб и сахар. Срок возвращения в Ленинград не определен. Передавайте родным привет»³⁸. В Ручьях работала женская группа под руководством А. Н. Юзефовича³⁹. Рыли щели для укрытия во время бомбежек на Большом проспекте Васильевского острова, у здания Фондовой биржи, на о-ве Голодай...⁴⁰.

Все это тяжелым бременем ложилось на плечи оставшегося преимущественно женского коллектива Института, что побудило директора Института Винникова, несмотря на тяжелые обстоятельства военного времени, 30 августа обратиться к председателю исполкома Василеостровского райсовета Ленинграда Кускову с письмом. «В штате Института,— сообщал Винников,— числится 66 сотрудников, из которых 4 человека — добровольцы, 5 человек переведены на казарменное положение в отряд народного ополчения, 2 человека находятся в командировках, 23 человека по возрасту и состоянию здоровья (имеют соответствующим образом оформленные справки) не подлежат привлечению к трудовой повинности. 1 человек мобилизован по линии районного штаба МПВО, 3 человека входят в круглосуточную охрану (вахтеры) и 3 человека — дворники, несущие также круглосуточные дежурства. Таким образом, для несения дежурств на пожарных постах остается всего 25 человек. Между тем Институт имеет 2 здания..., что требует единовременного дежурства на пожарных постах не менее 30 человек...

Исходя из вышеизложенного, Институт этнографии обращается к Вам с просьбой полностью освободить сотрудников Института от участия в трудовой повинности, учитывая также, что за последние две недели Институт сократил свой штат на 40%»⁴¹.

Несмотря на просьбу директора, сотрудники Института привлекались на трудовые работы практически до середины декабря 1941 г.⁴² На оборонных стройках в общей сложности было выработано около 1200 человекоднев, т. е. в среднем на каждого сотрудника приходилось 15 человекоднев. Если же считать только трудоспособных, то на каждого приходилось 30 человекоднев⁴³.

Как видно, оставшиеся сотрудники, без учета ушедших на фронт, приняли на себя всю тяжесть разнообразных работ по сохранению музейных коллекций и здания, по участию в оборонном строительстве. Причем этот коллектив действовал в значительно меньшем, чем раньше, составе в связи с тем, что в июле—августе 1941 г., согласно постановлению Штатной комиссии СНК СССР, было произведено сокращение штатов. Если в довоенное время Институт насчитывал 108 человек, то на 1 сентября 1941 г. только 56 человек, без учета состоявших в штате 5 добровольцев. Коллектив научных сотрудников включал в себя 30 человек. Таким образом, основные кадры Института были полностью сохранены⁴⁴. Большая часть сотрудников оказалась уволенной в связи с частичным сокращением объема работ по Институту, некоторые подали заявления об уходе по собственному желанию, в том числе по причине намечавшейся личной эвакуации из города. Из-за невозможности возвращения из экспедиции к месту работы пришлось отчислить из штата Института А. Л. Троицкую и Н. Ф. Прыткова⁴⁵.

Институт этнографии АН СССР по согласованию с вышестоящими академическими и административными органами готовил и несколько раз представлял списки сотрудников, подлежащих эвакуации. Одним из первых был представлен список в 20 человек, включавший среди прочих С. А. Штернберг, Н. П. Дыренкову, А. Б. Пиотровского, Г. Н. Прокофьева, Н. А. Липскую, Н. Н. Тихоницкую⁴⁶. Другой список состоял уже из 64 фамилий⁴⁷.

Из блокадного Ленинграда вылететь можно было только по постановлению правительственных органов. Это постановление распространялось на ведущих ученых и директоров институтов. 19 ноября 1941 г. директор Института этнографии проф. И. Н. Винников подписал приказ, который гласил: «§ 1. По постановлению Правительства, сего числа выезжаю из Ленинграда в распоряжение Президиума Академии наук СССР. § 2. На время моего отсутствия исполнение обязанностей директора Института возлагаю на заместителя директора С. М.

Абрамзона»⁴⁸. Из ведущих ученых Института в Самарканд был эвакуирован член-корр. АН СССР, проф. Д. К. Зеленин, в Алма-Ату — проф. Н. В. Кюнер. 23 декабря 1941 г., сообщая в Комиссию по ленинградским учреждениям АН СССР об отъезде И. Н. Винникова, Д. К. Зеленина и Н. В. Кюнера, дирекция Института ставила вопрос о скорейшей эвакуации С. А. Штернберг, А. Б. Пиотровского, Г. Н. Прокофьева, Д. А. Ольдерогге, С. В. Иванова и Г. И. Петрова⁴⁹.

С началом войны быт сотрудников коренным образом изменился. В подвалах здания Института были оборудованы два бомбоубежища: одно для граждан, которые в случае воздушной тревоги выходили из трамваев у Республиканского (ныне Дворцового) моста, второе для всех сотрудников Института. В бомбоубежищах установили 10 печей-временок⁵⁰. Приказом от 2 сентября 1941 г. были переведены с 4 сентября на казарменное положение сотрудники А. Н. Кондауров, Г. Г. Стратанович, С. В. Иванов, А. А. Попов, В. В. Федоров, В. Н. Насекин, Е. А. Максимова. Переведенные на казарменное положение должны были каждый день неотлучно находиться в здании Института. Примечание к приказу гласило, что отлучка из здания «допускается только с разрешения директора или его заместителя».

Коменданту здания В. В. Федорову предлагалось к 4 сентября оборудовать помещение для лиц, переведенных на казарменное положение и организовать хозяйственное обслуживание специальной комнаты⁵¹. С 15 сентября на казарменное положение при Институте были переведены также Е. В. Жиров, Г. И. Петров, Д. Н. Лев, А. Шакурова. Все они питались в расположенной рядом академической столовой, к которой имели прикрепление все сотрудники Института.

Перевод части сотрудников на казарменное положение позволил дирекции более рационально использовать их в работах по сохранению музейных ценностей и самого здания. Как показывает книга приказов, бытовые трудности у тех, кто жил дома, стали усугубляться со второй половины сентября. Тогда же резко возросло число заболевших. Многие сотрудники, иногда с семьями, начали селиться в подвальных помещениях здания Института. Сообща было легче заниматься отоплением «коллективного жилища». Так, зимой 1941—1942 г. в Новой Деревне разобрали пустующий двухэтажный деревянный дом и на санках перевезли «топливо» в Институт⁵². Люди старались помочь друг другу: приносили больным обед из столовой, кипятки и т. д.

В это время предпринимались меры по улучшению питания сотрудников, а именно получение мест в академической зале столовой, где не надо было стоять в очереди, принятию сотрудников в члены Дома Ученых, где имелись условия для более усиленного питания, оформлению продуктовых карточек 1-й категории и т. д.⁵³. Тем не менее сотрудникам Института становилось все труднее переносить житейские тяготы, холод и голод. Первой умерла 28 октября 1941 г., тюрколог Н. П. Дыренкова. Суровая блокадная зима 1941—1942 г. унесла жизни многих сотрудников...⁵⁴.

Несмотря на тяготы и лишения, коллектив Института этнографии, как и все ленинградцы, принимал посильное участие в борьбе с врагом. Это была прежде всего моральная поддержка воинов — бывших сотрудников Института, с которыми многие более или менее регулярно переписывались, вселяя в них оптимизм, веру в скорую победу. Приходивших с фронта коллег тепло встречали и помогали чем могли.

Учитывая недостаток подробных карт пригородов Ленинграда, Л. Б. Панек передала на фронт карту для дачников, изданную в 1902 г., а С. А. Штернберг — подозрную трубу, которой пользовался в экспедициях Л. Я. Штернберг⁵⁵. Сотрудники Института передавали в фонд обороны семейные реликвии, золотые и серебряные вещи, а также деньги⁵⁶.

Ученые Ленинграда, в том числе сотрудники Института этнографии АН СССР, с самых первых дней войны были движимы одной мыслью: все для фронта, все для победы! В начале июля 1941 г. ленинградские ученые академики А. А. Байков, В. В. Струве, А. А. Ухтомский, А. Е. Фаворский, профессора Д. И. Дейнека, В. М.

Жирмунский, С. С. Кузнецов, Я. С. Эдельштейн и другие обратились к коллегам с призывом увязывать свою научную деятельность с потребностями фронта и тогдашнего времени. «Мы призываем вас, ученые Ленинграда,— говорилось в обращении,— разрабатывать сейчас только те темы, которые необходимы делу обороны страны, которые принесут быструю, реальную пользу фронту, разрабатывать их денно и нощно, не щадя сил и времени, с тем истинным энтузиазмом, на который способны советские ученые»⁵⁷.

По заданию Политического управления Красной Армии сотрудники ряда институтов АН СССР приступили к составлению историко-географо-этнографических справочников о народах мира. Был оперативно пересмотрен и научный план Института этнографии, о чем послан доклад в Президиум Академии и академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР акад. А. М. Деборину. «В план Института на 1941 г.,— говорилось в докладе,— включен ряд заданий, имеющих оборонное или особо актуальное значение. В частности, отделы работают над подготовкой к печати серии небольших по объему книг (до 2-х печатных листов каждая), посвященных этнографии зарубежных, главным образом граничащих с СССР стран: Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Турции и т. д.»⁵⁸.

Отдел антропологии запланировал выпуск ряда изданий, посвященных разоблачению расовой «теории» германского фашизма. Уже вскоре была завершена работа Г. И. Петрова, направленная против этой «теории». О чехах и словаках писал К. А. Пушкаревич, о народах Югославии, поляках, финнах-суоми Д. К. Зеленин, о народах Закарпатской Украины Н. Н. Тихоницкая, о венграх и греках Е. Г. Кагаров, об афганцах Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров, о народах Индо-Китая Н. В. Кюнер и т. д.⁵⁹.

7 сентября 1941 г. по ленинградскому радио было оглашено письмо академиков С. А. Зернова, И. И. Мещанинова, Л. А. Орбели, П. И. Степанова, членов-корреспондентов АН СССР В. Ф. Шишмарева и С. Е. Малова, профессоров С. Г. Бархударова и К. А. Пушкаревича. В нем говорилось: «Мы живем в городе, над которым нависла непосредственная опасность вторжения врага. Фашистские варвары обстреливают Ленинград из артиллерийских орудий, бомбят мирные жилища, больницы, общественные учреждения крупнейшего научного и культурного центра. Но ни бомбы, ни снаряды врага не остановят, не сломят нашу волю к победе и борьбе. Ленинградские ученые продолжают спокойно и уверенно работать»⁶⁰.

Когда сегодня знакомишься с архивными материалами о деятельности Института этнографии АН СССР во второй половине 1941 г.— первой половине 1942 г., поражаешься несгибаемой стойкости людей, их самоотверженности и вере в правое дело. Голодные, изможденные, они фанатично, но сознательно трудились во имя будущего, во имя Науки. К концу 1941 г. была закончена монография «Белорусы и украинцы воссоединенных областей», продолжалась работа над томом «Народы Сибири и Дальнего Востока» и готовился к печати том «Народы Средней Азии и Казахстана» (из серии «Народы СССР»). Вышел в свет 2-й том «Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая». Велась подготовка к изданию избранных сочинений И. Я. Баховена и Л. Я. Штернберга.

С. А. Штернберг, Е. Э. Бломквист и М. В. Степанова целеустремленно готовили план музейной экспозиции и академической научной сессии, чтобы в 1942 г. отметить 450-летие открытия Америки. Н. В. Кюнер редактировал и дополнял переводы китайских текстов для работы «Китайские известия о народах Амура». Составлялись проспекты статей для «Истории первобытной культуры». 17 ноября 1941 г. в дирекции состоялось совещание с обсуждением глав С. В. Иванова о происхождении искусства и письма и Д. А. Ольдерогге о происхождении и ранних формах животноводства. Под руководством А. Н. Генко заканчивалась работа над двухтомником «Народы Кавказа» («Народы Северного Кавказа» и «Народы Закавказья»). Завершали свои монографии о селькупском фольклоре (20 а. л.) и телеутском фольклоре (10 а. л.) Г. Н. Прокофьев и Н. П. Дыренкова, о таджиках

(20а. л.) Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров, по этногенезу славян А. Н. Юзефович и по этногенезу народов Севера и Европейской части СССР Е. В. Жиров. Продолжались исследования Н. А. Липской о социальном строе нанайцев, Н. П. Никульшина о социальном строе эвенков, Г. Д. Вербова о ненцах, С. А. Штернберг о русских исследователях Северо-Западной Америки и их открытиях и т. д.⁶¹

Полным ходом шла подготовка к защите диссертаций сотрудниками Института. Планировалась защита докторской диссертации «Самодийские языки и проблема происхождения современных ненцев, энцев и нганасан» Г. Н. Прокофьевым, кандидатских диссертаций «Роль труда в антропогенезе» А. Н. Юзефовичем, «Генезис среднеазиатской вышивки ираки» В. В. Екимовой. 20 ноября 1941 г. на имя ректора ЛГУ подала заявление Н. Н. Тихоницкая с просьбой разрешить ей защиту кандидатской диссертации на тему «Коллективные земледельческие работы в сельской общине восточных славян». 16 декабря 1941 г. на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ успешно защитил диссертацию о таджиках на соискание ученой степени кандидата филологических наук (по этнографии) А. Н. Кондауров, которому оставалось жить ровно два месяца... А. Н. Кондауров в холодной комнате своей квартиры, голодный, усталый, при свете коптилки продолжал работать до последнего дня своей жизни⁶². Готовили свои диссертации Д. А. Ольдерогге, К. В. Вяткина, М. Д. Торэн и др.

Несмотря на то что музейные экспозиции были демонтированы, а наиболее ценные из них упакованы в ящики, музейная работа не прекращалась и занимала по-прежнему важное место в деятельности сотрудников. Продолжались изучение музейных предметов в фондах, регистрация поступивших в музей этнографических и археологических коллекций. Так, в Отделе Передней и Средней Азии было завершено описание уникальной коллекции по персидскому шиитскому празднику мухаррам, в Отделе Сибири — большой этнографической коллекции по народам Амура. В Отделе археологии было зарегистрировано 3045 номеров Супоневской палеолитической коллекции, завершено написание путеводителя по новой археологической коллекции вводного раздела «Происхождение человека» (3 а. л.)⁶³. Проводилось наблюдение за сложенными в шкафах и в Кабинетах музейными экспонатами фондов. 25 декабря 1941 г. в Отделе Сибири обнаружили, что стекло футляра, в котором хранился мумифицированный труп тунгусского ребенка было разбито. Были приняты срочные меры к спасению этого уникального экспоната⁶⁴.

Сотрудники библиотеки Н. П. Шастина, М. А. Магнус, М. Л. Бутник-Северская приводили в порядок книжные фонды, обслуживали сотрудников.

Зима 1941—1942 г. — самый тяжелый период в ленинградской 900-дневной блокаде. Именно в это время коллектив Института этнографии понес наибольшие потери, включая погибших на фронтах и умерших в блокадном Ленинграде⁶⁵. Каждый раз, просматривая списки так рано ушедших из жизни в годы жестокой войны коллег, я невольно думал, что история советской этнографии, антропологии, археологии могла бы быть совсем иной. Скольких ярких, самобытных умов лишились наши наука и страна...

Сегодня кажется невероятным, что люди в это трудное время могли творить. В Институте продолжалась работа над томами серии «Народы СССР», коллективной монографией «История первобытной культуры». А. А. Попов трудился над книгой «Нганасаны», Н. Н. Степанов изучал общественный строй и межплеменные отношения тунгусов в XVII в., Д. К. Зеленин исследовал отражение племенной и национальной культуры в фольклоре народов СССР, М. А. Сергеев писал вступительную статью к тому «Народы Сибири и Дальнего Востока». В научно-популярной серии готовились работы «Племена и народности Голландской Индии» Л. Э. Каруновской, «Племена и народности Австралии и Океании» Ю. М. Лихтенберг, «Народы и племена Бирмы» Г. Г. Стратановича⁶⁶.

1 апреля 1942 г. состоялось первое заседание объединенного Ученого совета, созданного по постановлению Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР. Председательствовал на нем акад. И. Ю. Крачковский⁶⁷. 27 мая

Ученый совет заслушал доклад Д. А. Ольдерогге «Экзогамия и эпигамия». Его обсуждение продолжилось 3 и 10 июня⁶⁸. В связи с исполнявшейся в 1942 г. 450-летней годовщиной открытия Америки при объединенном Ученом совете был образован подготовительный комитет. Его секретарем стала Е. Э. Бломквист. К юбилею Институт готовил публикацию и научное описание уникальных и особо ценных коллекций по Западной Америке, собранных русскими путешественниками в конце XVIII — начале XIX в.⁶⁹

Ряд сотрудников выступил с научными докладами в ИИМК: 12 июня Д. А. Ольдерогге рассказал о наскальных изображениях Северной Африки. 26 июня Д. Н. Лев сделал сообщение об Ильской стоянке⁷⁰. В 1942 г. в Свердловске под грифом Института была напечатана монография К. А. Пушкаревича «Чехи. Историко-этнографический очерк». В «Известиях ВГО» в 1943 г. вышли публикации статей Н. Н. Степанова, Г. Д. Вербова и др.⁷¹

Восполняя понесенные в ходе войны и блокады потери, Институт привлек к работе известных ученых. На должность заведующего Отделом антропологии был принят С. И. Руденко. На него возлагалась и обязанность наблюдать за общим направлением и ходом работ Отдела археологии. С 1 марта заведующим Отделом Сибири стал М. А. Сергеев. На должность и. о. старшего научного сотрудника был принят Н. Н. Степанов, Е. М. Пещерева заняла должность младшего научного сотрудника. С 1 мая были назначены заведующей Отделом Америки Е. Э. Бломквист, и. о. заведующей Отделом Восточной и Южной Азии К. В. Вяткина⁷². В штат вновь приняли Н. Ф. Прыткова и А. Л. Троицкую. Несомненно, эти кадровые и научно-организационные назначения способствовали оживлению научно-исследовательской и музейной деятельности в Институте.

Музейной работе в блокадный период уделялось исключительное внимание. Вопросы сохранности музейных коллекций регулярно рассматривались на совещаниях сотрудников в дирекции. Такие заседания, в частности, состоялись 24 апреля и 9 июля 1942 г.⁷³. По приказу дирекции от 5 мая 1942 г. в целях дальнейшего обеспечения сохранности этнографических коллекций создавалась комиссия в составе Е. Э. Бломквист (председатель), В. В. Федорова и М. Д. Торэн (последней поручалось в пятидневный срок ознакомиться с состоянием и условиями хранения коллекционных фондов, подготовить план необходимых мероприятий по приведению фондов в порядок. Для ознакомления с состоянием фототеки и условиями хранения фонда негативов, а также разработки проекта мероприятий по упорядочению условий его хранения была создана комиссия в составе Д. А. Ольдерогге (председатель), Г. Г. Стратановича и А. А. Белоуса⁷⁴.

О скрупулезном отношении ко всем видам музейной деятельности свидетельствует, например, докладная записка К. В. Вяткиной: «Настоящим сообщаю, что по Отделу Восточной и Южной Азии просмотренные коллекции (выставочные залы), описи и иллюстрированные материалы находятся в удовлетворительном состоянии, за исключением отдельных фотооригиналов, которые отклеились от паспорта. Из повреждений по Отделу следует указать на пробитый осколком снаряда шкаф в выставочной части экспозиции Индии, где повреждена фотография „Искусственное орошение“...»⁷⁵.

Сотрудники проводили выборочный просмотр ящиков в подвалах и сундуков в фондах с особо ценными и уникальными коллекциями в целях их просушки и дезинфекции. Особо тщательно просматривались коллекции, отобранные для возможной эвакуации. Приводилась в порядок документация к коллекциям архивных научных материалов Отделов, осуществлялись разборка безномерного фонда, выявление испортившихся от сырости и плохой промывки негативов и иллюстративного материала и т. д. Была организована работа по сбору и первичной разборке фондов погибших на фронте и умерших в блокаду сотрудников. Готовились юбилейные выставки, посвященные 450-летию открытия Америки и 25-й годовщине Великой Октябрьской революции⁷⁶.

Кроме того, велась и определенная общественная работа: сбор книг для подшефной воинской части⁷⁷. В апреле 1942 г. все, кто имел еще силы, приняли

участие в уборке города, очистке его от снега. Мне вспоминается рассказ А. Н. Калдыкиной, как она вместе с М. Д. Торэн тяжелым ломом скалывала лед возле здания Института ⁷⁸. Согласитесь, работа не из легких для ослабевших от недоедания женщин.

Важным событием в жизни Института в 1942 г. были подготовка и эвакуация из Ленинграда большой группы научных сотрудников. Ее осуществлению способствовал и директор Института этнографии проф. Винников, который согласовывал этот вопрос в Президиуме АН СССР ⁷⁹. О некоторых деталях подготовки эвакуации можно узнать из сохранившегося письма И. Н. Винникова С. М. Абрамзону из Борового в Ленинград. Приведу его текст:

«7.VII.1942. Дорогой Саул Матвеевич, наконец сегодня я получил впервые за все время от Вас подробное письмо от 7.VI.1942 г. Меня до слез тронуло Ваше отношение к нашему общему делу. Ваше мужество, прямо скажу — Ваш героизм. Вы действительно оказались на высоте положения, как и следовало ожидать. Я надеюсь, что Ваши заслуги перед Институтom будут должным образом оценены в свое время.

В моих многочисленных письмах к Вам я неоднократно высказывал свое мнение по поводу эвакуации научных сотрудников Института. Будучи в Свердловске в начале мая с. г., я этот вопрос обсуждал с Л. А. Орбели ⁸⁰. Он предложил мне написать подробную докладную записку, что я и сделал и ему лично вручил. 2 июня получил телеграмму от вице-президента и академика-секретаря В. П. Волгина ⁸¹ следующего содержания: „Прошу срочно выслать докладную записку состояния перспективах Института этнографии“. 4 июня я эту докладную записку выслал. Ответа от В. П. Волгина я до сих пор не имею; о принятых им мерах мне также ничего не известно.

Мои предложения сводились к следующему: а) немедленно эвакуировать в Ташкент максимальное количество научных сотрудников; список сотрудников, эвакуация которых желательна в первую очередь, я приложил; б) в случае согласия Президиума с моими предложениями, немедленно отправляю Ф. Б. Шапиро ⁸² в Ташкент для подыскания помещений и обеспечения необходимых бытовых условий; с) как только сотрудники прибудут в Ташкент, я выеду туда же на работу.

Я продолжаю до сих пор стоять на той точке зрения, что необходимо при первой возможности эвакуировать из Ленинграда всех сотрудников, представляющих в той или иной степени научную ценность. Наш Институт понес большой урон и вряд ли целесообразно подвергать опасности и риску оставшихся сотрудников. Сотрудники физически ослабели, предстоящие осень и зима могут окончательно подорвать их здоровье. Я исхожу прежде всего из этих соображений. Конечно, я вполне представляю себе условия жизни и работы в Ташкенте. Знаю, что вряд ли удастся создать там сразу нормальные условия для работы, однако, полагаю, что сотрудники будут сохранены и кое-какая работа налажена. Я беседовал с Кара-Ниязовым ⁸³, со Струве ⁸⁴, Грековым ⁸⁵, Толстовым, и все они меня заверили, что помогут устроиться нашим сотрудникам. Повторяю, в Ташкенте будут известные трудности, но зато жизнь сотрудников будет вне опасности.

Мне кажется, что условия эвакуации теперь наиболее благоприятные, прежде всего — тепло. Продумайте, Саул Матвеевич, еще раз этот вопрос и примите благоразумное решение. Может быть, учитывая слабое состояние здоровья многих сотрудников, будет целесообразно остановиться на время где-нибудь в дороге (в Ярославской или Вологодской обл.), подкрепиться, а затем уже выехать прямо в Ташкент. Так многие делали и вполне успешно.

Никаких коллекций не советовал бы брать с собою. Зато считал бы совершенно необходимым забрать с собою все подготовленные к печати рукописи (том „Народы Европы“, том „Народы Сибири“, рукопись Тихоницкой, рукопись Попова, справочники „Народы СССР“, двухтомник „Таджики“ (монограф.) и все другие рукописи, представляющие интерес), а также все книги, которые будут необходимы для работы над вопросами, которые перечислены в Вашем плане. Ваш

план очень серьезный, и я его вполне одобряю. Я очень просил бы Вас поручить Д. А. Ольдерогге *прежде всего* следующие работы: а) этнографический очерк Африки и б) главы для истории первобытной культуры: происхождение и ранние формы земледелия, происхождение и ранние формы скотоводства. Этнографический очерк Африки попал в общий план Академии Наук и его необходимо составить в этом году. Точно также прошу поручить Бломквист и Степановой этнографический очерк Сев. Америки, который также попал в Общий план АН 1942 г. Юбилейный сборник, над которым работают Бломквист и Степанова, представляет общий интерес, и я очень просил бы выслать мне уже подготовленные части (перепечатанные на машинке) для редактирования. Мне в этом поможет здесь Л. С. Берг⁸⁶. С этим делом надо очень торопиться. Бломквист надлежит помнить, что ей придется принять активное участие в „Истории первобытной культуры“ и при выезде захватить необходимую литературу. Отдел Сибири в полном составе должен работать над окончательным редактированием тома „Народы Сибири“. Эта работа должна быть закончена в этом году.

Я нахожусь в регулярной переписке с эвакуированными сотрудниками. Н. В. Кюннеру я поручил составление этнографического очерка Индокитая. Он над этим работает. С. В. Иванов пишет свою главу, которая разрослась. В ближайшее время он обещал прислать мне ее для просмотра. С Зелениным пока не удалось столкнуться. Он предложил мне тему: «Словарь-справочник для преподавателей географии (по этнографии народов СССР)». Я эту тему не могу утвердить. С другой стороны, темы, предложенные мною, он отклонил. Я хотел, чтобы он написал этнографический очерк финнов, или какой-либо другой очерк, по его усмотрению. Не знаю, как быть с ним. Зарубин устроился в Пединституте в Сталинабаде⁸⁷ профессором. На мой запрос о теме научной работе он пока не ответил. Я предложил М. С. Андрееву⁸⁸ вступить в штат нашего Института и наметить план работы. Я от него ответа пока не имею. Вообще, он мне часто пишет. Хорошо, что Вы привлекли к работе Г. С. Виноградова⁸⁹. Я рекомендовал включить его в штат Института: он для нас очень ценный работник.

Что касается моей личной научной работы, то надо сказать следующее. Выполнить какую-нибудь работу, предусмотренную планом, мне очень трудно, не имея под руками ни одной книги по специальности. Я занялся составлением этнографического словаря. Предварительную работу я могу проделать и без книг. Я составил словник. Думаю над определением основных понятий этнографии. Все мои мысли заняты этим. Я придаю этой работе большое значение. Пока не будут определены и четко сформулированы основные понятия нашей науки, очень трудно будет вывести этнографию из того состояния, в котором она находится, и заставить всех признать ее полноценной и полноправной наукой. Конечно, без книг эта работа подвигается медленно. Однако, надеюсь, что кое-что мне удастся сделать. Кроме того, я продолжаю обрабатывать собранные мною материалы во время экспедиций.

Когда я был в Казани, я договорился принципиально о печатании тома „Народы Средней Азии“ отдельными выпусками. Однако я не мог взять на себя осуществление этой работы по следующим причинам: а) мой экземпляр не исправленный, б) меня смущает вопрос о транскрипции, с) я считал, что при новом наборе следовало бы внести в статьи некоторые изменения. Я поэтому заявил, что без Вас трудно будет печатать этот том.

Работы Петрова, Пушкаревича и Зеленина были мною переданы лично бывшему академику-секретарю А. М. Деборину⁹⁰. До сих пор не могу узнать судьбу этих работ. Я уже запрашивал В. П. Волгина, но ответа еще не имею.

Только что получил от Шапиро телеграмму следующего содержания: „Президиумом получена телеграмма 11 июля выезжают Казань Ленинградские учреждения Академии наук. Жду Вашего указания“. Хочется думать, что и Вы вывозите научных сотрудников. Это будет, как я уже говорил, очень благоразумно. Обидно будет, если упустите благоприятный случай.

Буду с нетерпением ждать Ваших дальнейших сообщений. Очень тронут

Вашим вниманием и теплым отношением к моей семье. Спасибо за заботу о моей квартире. Никогда не забуду того, что Вы для меня сделали. Привет сердечный всем сотрудникам Института. До скорого свидания. Искренне Ваш И. Винников. Привет от Марии Ефимовны⁹¹.

Я уже Вас просил при выезде захватить с собою научные материалы, сложенные в ящике в моем кабинете. Прошу Вас также забрать оба тома „Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая“»⁹².

Хотя это письмо уже не застало адресата в Ленинграде, а потому вошло в архив Института, оно дает верное представление об основных направлениях подготовки сотрудников к эвакуации. 12 июля 1942 г. был подписан приказ по Институту этнографии АН СССР за № 72: «12 июня 1942 г. выезжаю в г. Казань вместе с эвакуированным Институтом»⁹³.

Таким образом, речь шла об эвакуации Института и фактическом перемещении его центра, который в дальнейшем уже не вернется в Ленинград. Одновременно с и. о. директора Института в Казань были эвакуированы старшие научные сотрудники Е. Э. Бломквист, Г. М. Василевич, Л. Э. Каруновская, Д. А. Ольдерогге, А. А. Попов, Н. Н. Степанов, младшие научные сотрудники Ю. М. Лихтенберг, Л. Б. Панек, Е. М. Пещерева, М. В. Степанова и научно-технический сотрудник Б. Г. Кудрявцев⁹⁴. Отдохнув в Елабуге, сотрудники отправились в Ташкент, куда прибыли 2 ноября 1942 г.⁹⁵. Таким образом, начала функционировать ташкентская группа Института — его центр в эвакуации.

(Окончание в следующем номере)

Примечания

¹ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 44. Л. 1.

² Там же.

³ Об И. Н. Винникове подробнее см.: *Милибанд С. В.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 113; *Глускина Г. М., Демидова Г. М.* И. Н. Винников (К 70-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки, 1967. № 6. С. 155—159; Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 1. Сб. в честь проф. И. Н. Винникова. Л., 1971; Памяти И. Н. Винникова // Народы Азии и Африки. 1974. № 5. С. 247.

⁴ ПФА РАН. Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 10 (обр. ст.)

⁶ Там же. Л. 11 (обр. ст.)

⁷ Там же. Ед. хр. 23. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 54.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Там же. Ед. хр. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же. Л. 27. 31—34.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ *Решетов А. М.* Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3—5.

¹⁷ Там же. Л. 14, 23, 29, 32.

¹⁸ Подробнее об этом: *Решетов А. М.* Указ. раб. С. 6—8.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М.; Л., 1962. С. 15—37.

²⁰ Об участии сотрудников Института этнографии АН СССР в Великой Отечественной войне подробнее см.: *Решетов А. М.* Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3—20; № 4. С. 3—24.

²¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941) Ед. хр. 44. Л. 36.

²² Там же. Л. 37.

²³ Там же. Л. 38—39.

²⁴ *Кольцов А. В.* Указ. раб. С. 26.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 33. Л. 6.

²⁶ *Кольцов А. В.* Указ. раб. С. 26.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 37. Л. 17. 26 сентября 1941 г. Институт этнографии АН

СССР выдал архитектору Р. И. Каплану доверенность «произвести передачу уникальных и особо ценных музейных коллекций в Государственный Эрмитаж на временное хранение, а также подписать от имени Института приемно-сдаточные акты». Там же. Ед. хр. 21. Л. 20. Об Эрмитаже во время блокады см.: *Варшавский С., Рест Б.* Подвиг Эрмитажа. СПб., 1995. Жизнь Эрмитажа в период блокады дает возможность лучше понять проблемы МАЭ того же времени.

²⁸ Там же. Ед. хр. 33. Л. 6.

²⁹ Там же. Ед. хр. 24. Л. 68.

³⁰ Об этом см.: *Лавров Л. И.* Институт этнографии в дни блокады. Архив МАЭ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 6.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 35.

³² Там же. Ед. хр. 33. Л. 4.

³³ Там же. Ед. хр. 21. Л. 26.

³⁴ Там же. Ед. хр. 44. Л. 41.

³⁵ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 40. Л. 6—7.

³⁷ Там же. Ед. хр. 21. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 8.

³⁹ Там же. Л. 59.

⁴⁰ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 14.

⁴² Там же. Ед. хр. 39.

⁴³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Л. 3. См. также Ед. хр. 44. Л. 51—60.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 44. Л. 59, 65.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 40. Л. 23—24.

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 20. Л. 2—7.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 44. Л. 72. Не могу согласиться с негативной оценкой поведения И. Н. Винникова в период до его эвакуации из Ленинграда, данной В. Н. Волождиной. См. *Володина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. № 4. С. 163—164, 170, 173. Необъективный подход автора к личности директора приводит ее к курьезному утверждению: у всех водопровод замерз и вода не шла, а «почему-то в помещении, где жил директор музея, вода еще шла из крана» (с. 170).

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 20. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 36. Л. 18.

⁵¹ Там же. Ед. хр. 44. Л. 59. Приказом по Институту от 15 декабря 1941 г. были отменены круглосуточные дежурства на пожарных постах; сотрудникам, находившимся на казарменном положении, было разрешено пользоваться выходными днями по особому расписанию // Там же. Л. 75.

⁵² *Лавров Л. И.* Указ. раб. С. 7.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 37, 58.

⁵⁴ Подробнее см.: *Решетов А. М.* Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40—62. «История должна донести до будущих поколений, быть может, самый потрясающий факт трагедии второй мировой войны: почти каждый второй житель осажденного в течение 872 дней и ночей города погиб от голода, обстрелов и бомбежек». См. *Соболев Г. Л.* Блокадный мартиролог: будет ли он закончен? // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 3. (№ 16). С. 8.

⁵⁵ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 17—18.

⁵⁷ Ленинградская правда. 5 июля 1941 г.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 23. Л. 77.

⁵⁹ Там же. Л. 80.

⁶⁰ *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М.; Л., 1966. С. 89—90.

⁶¹ Об этом см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 2. Л. 4—24; Ед. хр. 23. Л. 69; Ед. хр. 33. Л. 8—9.

⁶² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 2. Л. 25—28.

⁶³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 9.

⁶⁴ Там же. Ед. хр. 20. Л. 18.

⁶⁵ Подробнее см.: *Решетов А. М.* Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40—61; № 3. С. 3—20; № 4. С. 3—22.

⁶⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 3. Л. 1—2; Разряд VI. Оп. 5. Ед. хр. 60. Л. 61—64.

⁶⁷ *Кольцов А. В.* Указ. раб. С. 96.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 3. Л. 14, 18, 22.

⁶⁹ Там же. Л. 3. Ед. хр. 5. Л. 21.

⁷⁰ Там же. Ед. хр. 3. Л. 7, 16.

⁷¹ *Пушкаревич К. А.* Чехи. Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1942; *Степанов Н. Н.* Первая экспедиция русских на Тихий океан // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 2. Л., 1943. С. 45—48; *Вербов Г. Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен // Там же. Т. 75. Вып. 5. Л., 1943. С. 16—23.

⁷² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 5, 6, 8, 11, 12, 14. Интересно попутно отметить, что 25 февраля 1942 г. в Ленинград из Башкирской АССР пришло письмо от этнографа Е. М. Шиллинга с просьбой «ходатайствовать в соответствующих органах о вызове меня в Ленинград» для работы в

Институте этнографии. Из-за отсутствия возможности вызова в блокадный город даже при наличии места ему был послан отказ: См.: Там же. Ед. хр. 8. Л. 18, 19.

⁷³ Там же. Ед. хр. 5. Л. 47; Ед. хр. 15. Л. 11—12.

⁷⁴ Там же. Ед. хр. 32. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Ед. хр. 15. Л. 22.

⁷⁶ Там же. Ед. хр. 5. Л. 1—37.

⁷⁷ Там же. Ед. хр. 15. Л. 71.

⁷⁸ Эти воспоминания А. Н. Калдыкиной воспроизводит и В. Н. Вологодина. См.: *Вологодина В. Н.* Указ. раб. С. 174.

⁷⁹ И. Н. Винников после эвакуации из Ленинграда в Казани и Свердловске встречался с вице-президентами АН СССР академиками В. П. Волгиным и Л. А. Орбели, обсуждал с ними планы работы и положения сотрудников в блокадном Ленинграде. Для поправки здоровья после блокады был направлен в климато-кумысолечебный курорт Боровое Кокчетавской обл. Оттуда он поддерживал с Институтом и соответствующими инстанциями более или менее регулярную связь.

⁸⁰ *Орбели Леон Абгарович* (1882—1958) — русский советский физиолог, действ. чл. АН СССР (1935), АН Арм. ССР (1943) и Академии медиц. наук (1944). В 1942—1946 гг. вице-президент АН СССР.

⁸¹ *Волгин Вячеслав Петрович* (1879—1962) — русский советский историк, действ. чл. АН СССР (1930), в 1942—1953 гг. вице-президент АН СССР.

⁸² О *Шапиро Федоре Борисовиче* подробнее см. *Решетов А. М.* Указ. раб. // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 3—20.

⁸³ *Кара-Ниязов Ташмухамед Ниязович* (1897—1970) — советский узбекский ученый и общественный деятель. В 1931—1933 гг. ректор Среднеазиатского государственного университета. В 1943 г. был избран академиком и первым президентом Академии наук Узбекской ССР.

⁸⁴ *Струве Василий Васильевич* (1889—1965) — русский советский востоковед, действ. чл. АН СССР (1935), в 1937—1940 гг. — директор Института этнографии, в 1941—50 гг. — директор Института востоковедения АН СССР. В эвакуации находился в г. Ташкенте.

⁸⁵ *Греков Борис Дмитриевич* (1882—1953) — русский советский историк, действ. чл. АН СССР (1935), с 1937 г. директор Института истории АН СССР, в 1944—1946 гг. — директор ИИМК АН СССР, в 1946—1951 гг. — директор Института славяноведения АН СССР, в 1946—1953 гг. академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР.

⁸⁶ *Берг Лев Семенович* (1876—1950) — русский советский географ и биолог, действ. чл. АН СССР (1946). Президент ВГО (1940—1950).

⁸⁷ Сталинабад — ныне г. Душанбе, тогда столица Таджикской ССР. Здесь же в 1943—1945 гг. директором Республиканского Музея Таджикского филиала АН СССР работал С. В. Иванов.

⁸⁸ *Андреев Михаил Степанович* (1873—1948) — русский советский этнограф, лингвист. Член-корр. АН СССР (1929), академик АН Узб. ССР (1943). С 1947 г. работал в Сталинабаде.

⁸⁹ *Виноградов Георгий Семенович* (1887—1945) — советский этнограф, фольклорист. Во время войны предполагалось привлечь его к участию в работах Института этнографии АН СССР.

⁹⁰ *Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич* (1881—1963) — русский советский философ, действ. чл. АН СССР (1929), во время войны академик-секретарь бюро Отделения истории и философии АН СССР.

⁹¹ *Мария Ефимовна* — жена И. Н. Винникова.

⁹² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 25. Л. 3—6.

⁹³ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 18.

⁹⁴ Там же. Л. 18. Особо хочу сказать о Б. Г. Кудрявцеве, бывшем ленинградском школьнике, увлекшемся дешифровкой письменности о-ва Пасхи. 7 июля 1942 г. он был зачислен в штат Института и включен в список эвакуируемых. Вместе с сотрудниками при поддержке Д. А. Ольдерогге он проделал путь до Ташкента. 12 декабря 1942 г. был освобожден от занимаемой в Институте должности ввиду его отъезда на учебу в педагогический институт г. Кзыл-Орда; в 1943 г. во время весеннего ледохода на реке он утонул. См.: Там же. Л. 17; Ед. хр. 7. Л. 7.

⁹⁵ Там же. Ед. хр. 25. Л. 15.

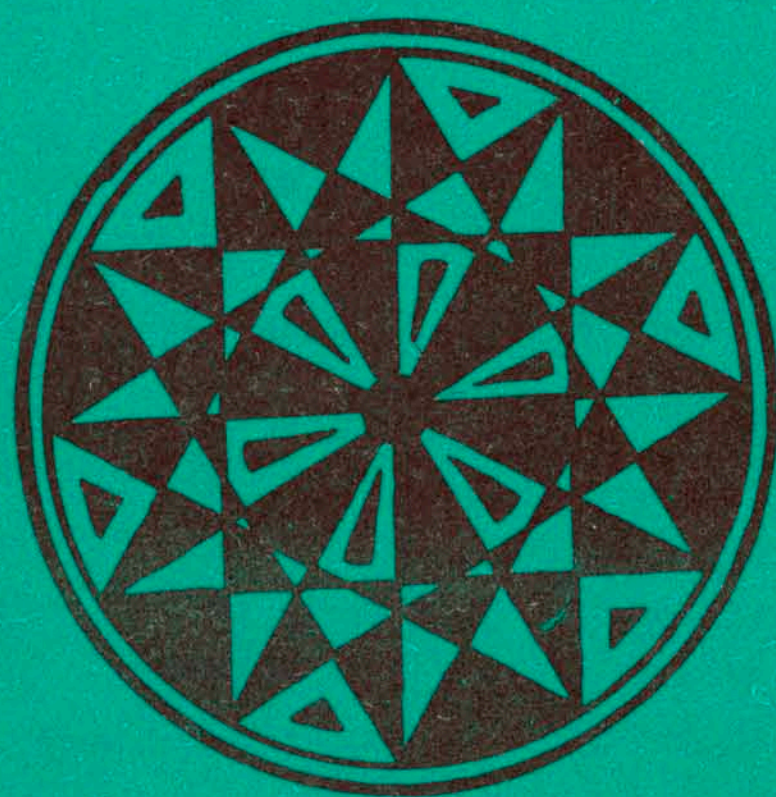
Paying the Debts. Part III. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences During the Great Patriotic War

The present essay is the concluding part of the three-part article devoted to the Institute's activities during the 1941-1945 war. Here the Institute's work prior to the war, during the blockade and after its lifting is described. The article is based on archives materials.

A. M. Reshetov

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1996

№ 1

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ
1996

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор),
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков,
Д. А. Функ, Г. В. Цулая, С. В. Чешко (заместитель главного редактора),
Е. А. Шервуд

Отв. секретарь Л. Т. Соловьева

Заведующая редакцией *Е. А. Эшлиман*

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс 938-06-00

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения
редколлегии и редакции

50-летие ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1996 г., ЭО, № 1

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ III.

Институт этнографии АН СССР во время
Великой Отечественной войны
(некоторые вопросы истории)*

В Ленинграде оставалась небольшая группа сотрудников — всего 21 человек, в том числе и. о. старшего научного сотрудника, уполномоченный по Институту Р. И. Каплан-Ингель, а также старший научный сотрудник, кандидат этнографии К. В. Вяткина, младшие научные сотрудники В. В. Антропова, М. Д. Торэн и В. В. Федоров, заведующая канцелярией А. Н. Калдыкина. Остальные составляли обслуживающий персонал. Руководитель группы архитектор Р. И. Каплан не поощрял занятий научной деятельностью, так как был некомпетентным в этнографии. Основное внимание он уделял музейной работе.

Уже 12 июля 1942 г. были заново распределены обязанности по наблюдению и охране коллекций и имущества Института между научными и научно-техническими сотрудниками по отделам и участкам. К. В. Вяткина отвечала за Отдел Восточной и Южной Азии (Япония, Китай, Монголия, Индия, Индонезия) и Отдел антропологии; М. Д. Торэн — Европа, Океания и Первый отдел (вводный, на 3-м этаже нового флигеля) и фонды; В. В. Антропова — Сибирь, Средняя и Передняя Азия, архив; С. И. Чухман — Америка, Африка; В. В. Федоров — археология, фонды; Х. А. Штейн придавался в помощь М. Д. Торэн и В. В. Федорову по охране, наблюдению за ценностями и обслуживанию фондов; А. А. Белоус — фотонегативы и фотолаборатория¹. В связи с эвакуацией части сотрудников был изменен и заново утвержден состав унитарной команды: химзвено из четырех человек (командир В. В. Федоров), санзвено также из четырех человек (командир А. А. Белоус) и пожарное звено из девяти человек (командир Е. А. Максимова)².

У оставшихся в Ленинграде возросла нагрузка, связанная с перепиской и ответами за запросы о сотрудниках Института. Одни запрашивали документы на родственников, погибших во время войны или блокады. Другие интересовались сражавшимися на фронтах. Третьих волновала судьба квартир эвакуированных из Ленинграда родственников и т. д. Особенно активной, естественно, была переписка с теми сотрудниками, которые эвакуировались в Ташкент. Хорошо зная о тяготах и лишениях блокадной жизни, уехавшие коллеги еще с дороги начали присылать в Институт посылки...

В самом конце 1942 г. Президиум АН СССР неожиданно принял решение о замене руководства Института этнографии АН СССР. Существует предположение, что непосредственным поводом для освобождения И. Н. Винникова от должности директора явилось некое «криминальное» письмо, отправленное им заместителю директора С. М. Абрамзону. Из-за отсутствия в Ленинграде Абрам-

* Начало III ч. статьи см. ЭО, 1995 г., № 6.

зона письмо директора по решению группы сотрудников Института было вскрыто и предано гласности.

После долгих поисков мне удалось обнаружить копию этого письма в архиве чл.-корр. АН СССР, проф. В. И. Равдоникаса. То, что эта копия аналогична подлиннику, подтверждает другая копия, снятая Д. А. Ольдерогге и хранящаяся в его домашнем архиве. Наличие независимых копий, снятых в те далекие времена, свидетельствует о большом интересе и резонансе, которое письмо Винникова вызвало в научных кругах. Именно поэтому, как мне представляется, необходимо привести этот документ полностью, особенно в связи с рассматриваемой нами темой.

«24.VII.1942 г. Дорогой Саул Матвеевич, я полагаю что Вы добрались благополучно до Казани. Очень жаль, что Вы не телеграфировали мне с дороги, в частности, о благополучном переезде через Озеро³. Я все волнуюсь. Не могу дождаться вести о Вас. Обыкновенные телеграммы, поданные в Казани, получают здесь на 6 или 7 день. Поэтому по срочным вопросам надо сноситься срочными телеграммами, которые, как правило, получают на второй день.

В целях укрепления академических учреждений и повышения их авторитета предполагается на ближайшей сессии Академии Наук, которая состоится ранней осенью, выбрать целый ряд новых академиков и членов-корреспондентов. Выдвижение кандидатов уже началось давно. Мне кажется, что наш Институт, как никогда раньше, нуждается в укреплении. Я в этом неоднократно убеждался. Особенно в настоящий момент, когда предстоит устраиваться на новом месте в очень тяжелых условиях⁴, авторитет руководства Института приобретает исключительное значение.

В интересах развития нашей науки и обеспечения условий для завоевания ею соответствующего места в ряду общественных наук, представляется совершенно необходимым укрепление руководства Института и повышение его авторитета. Учитывая главным образом это обстоятельство, академик В. М. Алексеев⁵ по собственной инициативе выдвинул меня в члены-корреспонденты. Он направил представление в Отделение языка и литературы и написал также академику-секретарю Отделения истории и философии В. П. Волгину. Я со своей стороны обдумываю план присуждения ученой степени Вам. Полагаю, что мне удастся это устроить. Это до известной степени вознаградит Вас за Вашу самоотверженную и героическую работу по сохранению Института, его материальных и людских ценностей. Мое отношение к Вашей работе подробно изложено в моем письме к Вам от 9 июля.

Если Вы согласны с моей точкой зрения, а мне кажется, что у нас существует полное единство в этом вопросе,— я попрошу Вас принять все зависящие от Вас меры к обеспечению успеха этого дела. В частности, Вам надлежало бы обратиться с объяснительной докладной запиской в ЦК ВКП(б) (Отдел кадров или Отдел науки), где будет согласовываться вопрос о выдвинутых кандидатах. Вам это нетрудно будет сделать, так как в 1938 г. Вы, как будто, что-то обо мне писали и говорили, когда Институт выдвигал меня в члены-корреспонденты. Если ЦК ВКП(б) не будет дано соответствующее указание В. П. Волгину, вряд ли моя кандидатура пройдет: слишком много выдвинуто кандидатов и слишком недоброжелательно относятся ко мне некоторые, к сожалению, влиятельные академики. Ваша докладная записка должна содержать следующие элементы:

а) Общая характеристика состояния Института этнографии и положение этнографии в нашей стране;

б) указание на ненормальность и недопустимость того положения, что в составе АН нет ни одного академика и ни одного члена-корреспондента по специальности этнографии, при той роли, которую должна играть в нашей стране этнография;

в) указание на то, что в Институте этнографии,— одном из крупнейших учреждений АН,— нет ни одного академика и есть только один член-корреспондент по специальности славянской филологии;

- г) общая характеристика моей научной и педагогической деятельности;
- д) указание на то, что моя кандидатура в директора Института этнографии была выдвинута Горкомом Ленинграда и поддержана ЦК ВКП(б);
- е) указание на то, что я был выдвинут в члены-корреспонденты в 1938 г., но не баллотировался из-за недостатка вакансий.

Было бы хорошо, если бы обратились от лица Института также к В. П. Волгину. Письмо В. П. Волгину должно содержать те же элементы.

Я хочу Вас заверить, дорогой Саул Матвеевич, что обращаясь к Вам с этим делом, я меньше всего преследую личные цели. Это прежде всего требуют интересы нашего общего дела, которому мы посвятили всю нашу жизнь и для процветания которого мы готовы на любые жертвы.

Ф. Б. Шапиро, думаю, сделал все, что мог, чтобы облегчить Вашу жизнь в Казани. Он будет совершенно незаменим при устройстве Института на новом месте.

Ко мне обратился Стратанович с просьбой о восстановлении на работе. Я ответил ему через Ф. Б. Шапиро, что должен воздержаться от этого, пока не получу от Вас точных сведений о причинах его увольнения.

До сих пор я ничего не получил от моей невестки. Я телеграфировал ей срочно, как только получил Вашу телеграмму, но ответа не имел. Может быть, Вы что-нибудь знаете о ней.

Жду с нетерпением сведений от Вас.

Всего доброго. Искренне Ваш И. Винников. Мария Ефимовна просит передать Вам сердечный привет»⁶.

Очевидно, письмо было прочитано лицами, которым оно не предназначалось, около середины августа 1942 г. Не буду анализировать текст письма. Сегодня оно читается и воспринимается несколько иначе, чем в то время, по свежим следам и в соответствии с общей обстановкой в стране. Можно понять стремление И. Н. Винникова попасть в члены-корреспонденты АН СССР. Его избрание, несомненно, повысило бы личный престиж и могло способствовать в сложное военное время решению тех вопросов, в которых были заинтересованы сотрудники Института как в блокадном Ленинграде, так и в Ташкенте.

Однако совершенно очевидно и другое. А именно желание Винникова быть избранным в АН СССР с помощью членов Академии, с которыми он был в Боровом, а также своих ближайших помощников в Институте, в первую очередь С. М. Абрамзона, которому он щедро обещал степень кандидата исторических наук. Расчет был прост: *Do ut des*⁷.

Неизвестно, что в сложившихся условиях успел сделать для выполнения поручения шефа С. М. Абрамзон. В ноябре 1942 г. Винников приехал в Ташкент и приступил к прямому исполнению обязанностей директора Института этнографии АН СССР. 1 декабря он подписал приказ о зачислении в штат Института на должность младшего научного сотрудника Отдела Сибири Е. Д. Прокофьевой, а 21 декабря на должность старшего научного сотрудника Отдела Передней и Средней Азии А. А. Семенова⁸.

Тогда же, 21 декабря 1942 г. состоялось заседание Президиума АН СССР. На нем по докладу вице-президента акад. В. П. Волгина «Об Институте этнографии АН СССР» было принято следующее постановление: «1. Освободить проф. И. Н. Винникова от занимаемой должности директора Института этнографии АН СССР.

2. И. о. директора Института этнографии АН СССР назначить д.и.н. С. П. Толстова, сохранив за ним должность заведующего Московским отделением Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.

Назначить заместителями заведующего Московского отделения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра: по Московской группе старшего научного сотрудника В. Н. Чернецова, по Ташкентской группе проф. А. Ю. Якубовского.

3. Разрешить Институту этнографии организовать Московскую группу, пере-

дав этой группе из Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР Группу карт народов с бюджетом и штатами.

Непосредственное руководство Московской группой Института этнографии возложить на и.о. директора Института доктора исторических наук С. П. Толстова.

Президент Академии Наук СССР
Секретарь Президиума
Академии Наук СССР

академик *В. Л. Комаров*
академик *Н. Г. Бруевич* ⁹.

В Ташкент проф. И. Н. Винникову *post factum* ¹⁰ была послана телеграмма следующего содержания: «Постановлением Президиума АН СССР от 21 декабря Вы освобождены от должности директора Института этнографии. Исполнение обязанностей директора возложено на проф. Толстова. Вице-президент АН Волгин» ¹¹.

Эти документы я намеренно привожу полностью, чтобы показать, что все было сделано келейно. Отчет директора Института Винникова не заслушивался. Никакого плана основных мероприятий по восстановлению и перестройке работы Института намечено не было, тем более что изменялся научный статус и научная деятельность института, как утверждалось позднее ¹².

Проф. Винников даже не предполагал о готовившемся мероприятии, о чем свидетельствует его подробное и аргументированное письмо Президенту АН СССР акад. В. Л. Комарову ¹³.

Несомненно, о готовившемся решении знал С. П. Толстов. Можно предположить, что не только знал, но и в меру сил, используя свои связи в Президиуме, способствовал принятию такого решения. А связи у Толстова были. Именно они помогли ему выйти победителем в борьбе за руководство московским отделением Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР (ИИМК), оттеснив С. В. Киселева и А. В. Арциховского ¹⁴.

Вскоре Толстов, уже став директором Института этнографии АН СССР и сохраняя за собой пост заведующего московским отделением ИИМК, попытался объединить оба эти учреждения под своим руководством. Однако осуществить этот далекоидущий план ему все же не удалось.

Как представляется, в смене руководства Института этнографии приведенное выше злополучное письмо сыграло свою роль, хотя и не следует преувеличивать его значение. Оно явилось лишь поводом для перевода центра этого Института в Москву. Именно в военные годы руководство Академии наук самостоятельно или по указанию сверху начало проводить политику перевода крупных научных учреждений или по крайней мере их центров в Москву.

К концу 1942 г. центр Института этнографии АН СССР находился фактически в Ташкенте. Как было воспринято сотрудниками Института известие о смене руководства и перспективах развития, сказать сегодня трудно. Но некоторые данные все же удалось отыскать в петербургских архивах.

Один из ведущих сибиреведов А. А. Попов в письме из Ташкента заведующему Отделом М. А. Сергееву 18 января 1943 г. писал: «Очень жалею, что нет здесь Вас вместе с нами. Не с кем поговорить, не с кем как следует посоветоваться. Отношением дирекции (теперь уже экс-дирекции) очень недоволен. Видишь, что люди стараются только делать свою карьеру, а на дело наплевать. Ну да бог с ними! Не знаю, что даст новая дирекция?»

В общем следует сказать, что старая дирекция получила поделом. Наш директор приехал к нам с большим апломбом, рассказывал, как он в Боровом проводил время и как они — Фрейман ¹⁵, акад. Алексеев и др. — занимались весьма серьезными делами — устраивали торжественные заседания, где выступали с некрологами об умерших товарищах. Причем торжественно добавлялось, что об умерших получали самые точные сведения. Какой цинизм!

Простите за мою резкость, бездельники вместо того, чтобы думать, как бы помочь умирающим, трусы, первыми убежавшие из Ленинграда, занимались

пуфами¹⁶. Через некоторое время после приезда директора грянул гром. Получилась телеграмма от Волгина освободить Винникова от должности директора, Абрамзону ехать в Москву для сдачи дел новому директору Толстову. Будет ли существовать наш институт самостоятельно? В общем перспективы неважные»¹⁷.

Многочисленные письма, с которыми мне удалось познакомиться в архивах, свидетельствуют, что сотрудники с нескрываемой тревогой и исключительным вниманием следили за развитием ситуации.

С начала 1943 г. Институт этнографии по существу уже состоял из трех групп: ленинградской, ташкентской и московской. Даже сегодня трудно разобраться в организационных проблемах, которые хотел решить новый директор. Хотя С. П. Толстов был назначен директором Института, центр которого временно находился в Ташкенте, он совершенно очевидно направил основные усилия на укрепление московской части, в которой он, как представляется, сразу уже видел центр Института.

Приказом директора в Москву на работу были зачислены первые научные сотрудники — известные ученые В. В. Богданов, М. О. Косвен и В. К. Никольский, 5 февраля на должность и.о. ученого секретаря был приглашен М. Г. Рабинович, который 11 февраля принял дела у С. М. Абрамзона, вызванного с этой целью из Ташкента в столицу¹⁸.

Таким образом, свои первые действия С. П. Толстов, как директор, направил на формирование научного коллектива и административного центра Института в Москве. Так, с 1 февраля М. О. Косвен был зачислен не просто на должность старшего научного сотрудника, а на должность заведующего Отделом Кавказа (в связи с трагической гибелью в ленинградской тюрьме А. Н. Генко), тогда вакантную¹⁹, В. В. Богданов — на должность старшего научного сотрудника Отдела Европы²⁰.

1 марта на вакантную в Институте должность заведующего Отделом Австралии и Океании был утвержден С. А. Токарев²¹. В докторантуру привлечен В. Н. Чернецов, в аспирантуру 10 мая был зачислен Г. Г. Стратанович²². С 1 апреля в штате уже числился Е. М. Шиллинг²³. Московская часть Института росла стремительно. К 20-м числам августа она уже насчитывала 29 научных работников, в том числе 18 штатных (из них 9 докторов, профессоров, 3 доцента, 3 кандидата, 4 старших научных сотрудника без степени, 1 младший научный и 1 научно-технический сотрудник), 2 докторанта и 9 аспирантов²⁴.

Помимо уже известных лиц назову В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, Б. А. Рыбакова, Т. А. Трофимову, Н. Н. Чебоксарова. Как признавал сам С. П. Толстов, были «собраны все бывшие налицо этнографы» в Москве²⁵. К этому времени большинство постов заведующих отделами заняли москвичи: С. А. Токарев возглавил Отдел Австралии, Океании и Америки, М. О. Косвен — Отдел Кавказа и Европы, С. П. Толстов — Отдел Восточной, Передней и Средней Азии, Б. А. Рыбаков — Отдел археологии, В. В. Бунак — Отдел антропологии²⁶. В Москве был сформирован и утвержден Президиумом АН СССР Ученый совет, в состав которого вошли академики Б. Д. Греков и Н. С. Державин, члены-корреспонденты АН СССР А. Д. Удадьцов и Д. К. Зеленин, профессора и доктора С. П. Толстов, С. А. Токарев, Н. В. Кюнер, И. И. Зарубин, В. В. Богданов, М. О. Косвен, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебеч, Б. А. Куфтин, Д. А. Ольдерогге...²⁷.

Все эти события хронологически выстроены мною по архивным материалам, но мне кажется необходимым привлечь свидетельство современника тех дней. Думаю, что мнения С. А. Токарева и Д. А. Ольдерогге являются авторитетными и к ним следует относиться с доверием.

В своем дневнике С. А. Токарев 9 апреля 1943 г. записал: «Разговор с Толстовым о структуре Ин-та Этнографии и планах работы. Он хочет изменить структуру: укрупнить отделы (Европа, Сибирь, Ближний и Средний Восток, включая Африку, Дальний Восток с Индонезией, Австралия и Океания с Америкой...)»²⁸. Справедливости ради отмечу, что в то время широта планов, увлеченность пере-

стройкой на радостях так увлекали С. П. Толстова, что он мыслил фантастическими категориями. Запись в том же дневнике от 8 октября: «В И. Э. ...разговор с Толстовым о плане работы — моей и отдела Австралии, Океании и Америки. Т. настаивает на включении в перспективный план — этнографической экспедиции на Нов. Гвинею: я считаю это фантастикой и не думаю, чтобы кто-нибудь согласился поехать на долгий срок (а на короткий срок нет смысла) в эту нездоровую местность; но на всякий случай в план поставлю. Основное же содержание плана работы — составление многотомника „Народы мира“...»²⁹.

В письме к М. А. Алексееву от 12 сентября 1943 г. Д. А. Ольдерогге писал из Ташкента: «Наш институт перестраивается заново, постепенно превращаясь в московское учреждение. В Москве организован Ученый Совет Института, где собраны все этнографы Москвы и Ленинграда. Центр Института — Москва. Заметно стремление, воспользовавшись эвакуацией, сосредоточить Академию Наук в Москве, оставив в Ленинграде лишь филиалы. Так сделали с Институтом истории материальной культуры. Московское его отделение — центр, а Ленинградский центр превратили в филиал. С Ташкентской группой нашей (мое впечатление) не считается — пульс жизни в Москве...»³⁰.

Попыткой провести еще некоторые глубокие преобразования является поездка С. П. Толстова в сопровождении В. Н. Чернецова в Ленинград, куда он прибыл 22 августа 1943 г. и находился там около недели. 26 августа состоялось общее производственное совещание сотрудников ленинградской группы Института этнографии АН СССР, на котором новый директор выступил с докладом. Протокол записи этого выступления выглядит следующим образом:

«С. П. Толстов знакомит совещание с причинами, вызвавшими смену руководства Института: постепенное снижение авторитета Института, как советского научного учреждения. Фактическое самоустранение руководителя Института от руководства во время войны. Прежняя точка зрения руководства Винникова пошла по пути отграничения этнографии от смежных дисциплин (напр., от истории, фольклора, антропологии, археологии и т. п.).

Антропология и археология оставлены только в Музее, но не в Институте. Этнография обратилась в описательную науку. Выпарилась у нее живая мысль настолько, что, например, журнал „Советская этнография“ потерял интерес для широких масс. Характерен такой факт, что представитель Академкниги возражал против включения в план издательства „Советской этнографии“ ввиду отсутствия интереса к ней со стороны книжного рынка.

Необходимо резко изменить курс. Этнография призвана играть огромную государственную роль. Война помогла выявить роль этнографии и ее задачи.

Страна требует от этнографии освещения следующих вопросов: 1) этнический состав различных стран, находящихся в центре мировой политики.

2) Война ведется на разных территориях. Надо знать, с какими народами придется столкнуться. Каков у них быт и материальная культура.

3) Национальный вопрос. Фашисты лгут об истории народов, откуда они произошли и об их взаимодействиях. Надо объективно осветить вопрос о происхождении народов (этногенез).

Не надо отгораживаться от фольклора, антропологии. Они помогают разобраться в ряде вопросов. Надо тесно связывать работу этнографов с работой историков и работниками других смежных дисциплин.

Эта установка поставлена перед ташкентской группой и принята ею с энтузиазмом.

Надо организовывать группу в Москве...»³¹.

Очевидно, каждый документ рассматривается в контексте своего времени иначе, чем по истечении определенного времени, например, сегодня, когда мы имеем возможность взглянуть на происшедшие события, зная историю до и после них. Что же говорить о необходимости создания московской группы, если к этому времени она насчитывала 29 сотрудников, т. е. численно превосходя как ленинградскую, так и ташкентскую группу в отдельности.

Учитывая потери от голода в блокадном Ленинграде и на фронтах Великой Отечественной войны, две последние группы были сильно ослаблены. Оставшиеся в живых практически все пережили трагическую зиму 1941/42 г. в Ленинграде, в меру сил работали именно над той тематикой, о которой говорил директор. С. П. Толстов был не прав, упрекая прежнее руководство в недооценке сотрудничества с представителями смежных наук.

Согласно постановлению Президиума АН СССР от 5 июля 1937 г., Институт этнографии АН СССР обязан был строго соблюдать свой этнографический профиль, археология передавалась в ИИМК, а работы по антропологии должны были быть сосредоточены в Институте антропологии при МГУ. Только благодаря наличию в Музее этнографии богатейших археологических и антропологических коллекций Институту удалось добиться сохранения кадров антропологов и археологов для развития соответствующих отделов.

Позднее, в 1939 г., выполняя постановление Президиума Академии наук, Институт этнографии передал в Институт литературы АН СССР фольклорную комиссию³². Однако справедливости ради все-таки отмечу, что и после 1937 г. антропологические, археологические и фольклористические работы по-прежнему проводились в Институте, правда, по ряду причин не в прежнем объеме. К работе Института и к его руководству никогда никем не высказывались никакие претензии.

Таким образом, из всех заявленных С. П. Толстовым причин смены руководства остается только та, которую он определил как «фактическое самоустранение руководителя Института от руководства во время войны».

По итогам пребывания С. П. Толстова в ленинградской части им было издано распоряжение за № 12 от 28 августа 1943 г. В нем говорилось: «За образцовое состояние зданий и коллекций Института этнографии, явившееся результатом самоотверженной работы коллектива Ленинградской группы Института, уполномоченному Института этнографии по Ленинграду и.о. старшего научного сотрудника Р. И. Каплан-Ингелю и всем научным, научно-техническим и техническим сотрудникам и рабочим Ленинградской группы Института этнографии, а именно т.т. Вяткиной К. В., Антроповой В. В., Федорову В. В., Торэн М. Д., Аверьяновой В. С., Калдыкиной А. Н., Максимовой Е. А., Макаровой А. А., Штейн Х. А., Константиновой М. Т., Андросовой Н. В., Артамоновой П. Н., Каплан З. И., Васильевой Е. И., Кармановой О. П., Егоровой Е. Е., Евстратовой М. В., Горюновой А. Ф.— объявляю благодарность с занесением в личное дело.

Предлагаю уполномоченному Института этнографии т. Р. И. Каплан-Ингелю принять все меры к обеспечению и в дальнейшем столь же дисциплинированной и систематической работы по охране коллекций и здания. Задача сохранения здания и коллекций, пока враг находится у ворот Ленинграда, остается главной задачей работы Ленинградской группы Института.

В целях улучшения организации проводимой научными сотрудниками в свободное от работы по охране коллекций и здания время научно-исследовательской работы, создать при Ленинградской части Института научно-исследовательскую группу в составе и.о. ст.н.с. Р. И. Каплан-Ингеля, ст.н.с. канд. наук К. В. Вяткиной, м.н.с. В. В. Антроповой, м.н.с. М. Д. Торэн, м.н.с. В. В. Федорова. Заседания группы проводить по графику, утвержденному уполномоченным Института этнографии по Ленинграду т. Каплан-Ингелем.

Исполнение обязанностей ученого секретаря при уполномоченном Института этнографии по Ленинграду возложить на канд. наук. ст.н.с. К. В. Вяткину.

В качестве постоянного ученого консультанта научно-исследовательской группы утвердить профессора, доктора Ю. П. Францева.

Исследовательская работа научных сотрудников Института должна проводиться только в выделенное для этого распоряжением уполномоченного Института этнографии по Ленинграду дни и часы и ни в коем случае не в ущерб выполнению основных работ, связанных с охраной коллекций и здания...»³³.

Во время пребывания в блокадном Ленинграде С. П. Толстов предпринял еще

одну, быть может, последнюю попытку объединения Института этнографии и ИИМК. Именно с этой целью он взял себе в компаньоны для ленинградской поездки В. Н. Чернецова. На мой вопрос М. Г. Рабиновичу, тогдашнему Ученому секретарю Института этнографии в Москве, я получил ответ, который уточнял некоторые обстоятельства дела. «Я помню, — отмечал Михаил Григорьевич, — что Сергей Павлович ездил с Чернецовым в Ленинград как раз потому, что там мог возникнуть (кажется, и возник) ряд общих вопросов, касавшихся и этнографии, и археологии»³⁴.

Успехи на фронтах в 1943 г. и особенно в 1944 г. создавали новые, более благоприятные возможности. Это проявилось прежде всего в возобновлении экспедиционной деятельности. Уже в 1943 г. выехала в этнографическое поле Е. Э. Бломквист, изучавшая быт казаков-уральцев. В 1944 г. работали дагестанская (руководитель Е. М. Шиллинг) и полтавская (руководитель Н. Н. Чебоксаров) экспедиции. В Туркмении собирала материал В. Г. Мошкова, в Киргизии — С. М. Абрамзон, у дунган Средней Азии — Г. Г. Стратанович и т. д.³⁵.

Определенная стабильность позволяла разворачивать все шире и шире научно-исследовательскую работу. 30 ноября 1943 г. московские сотрудники приняли участие в научном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Д. Н. Анучина, и 23—25 декабря того же года — в научной сессии, посвященной этногенезу славян, которая проводилась в Государственном историческом музее³⁶.

В августе 1943 г. по настоянию ленинградских сотрудников была организована научно-исследовательская группа, в которую вошли научные работники смежных специальностей. Ее деятельность возглавил Ю. П. Францев; ученым секретарем была утверждена К. В. Вяткина, прочитавшая на первом заседании доклад о пережитках материнского рода у бурят³⁷.

Намечались и постепенно начали претворяться в жизнь планы восстановления научной деятельности в Ленинграде. Регулярно проводились научные заседания и в Ташкенте. В архивах и местных музеях Ташкента, Самарканда и Фрунзе ташкентцы выявили значительное количество этнографических материалов, которые использовали в своих докладах и исследованиях³⁸.

Совместно с сотрудниками эвакуированного ИИМК и кафедрой искусствоведения Среднеазиатского Государственного университета они провели научную сессию по проблемам первобытного искусства в Ташкенте и в сотрудничестве с местным музеем — по этнографии народов Средней Азии в Самарканде³⁹.

Сотрудники Института этнографии преподавали в вузах Ташкента и других городов Узбекистана, оказывали значительную помощь узбекским научным и музейным работникам. Оценивая помощь ленинградских ученых в развитии этнографической науки в республике, Президиум АН УзбССР наградила Институт этнографии АН СССР Почетной грамотой.

Научную работу сотрудников в Ленинграде и даже в Ташкенте обеспечивала институтская библиотека. Только к началу марта 1943 г. ташкентцам было отправлено 1100 книг (28 ящиков). Книги находились еще в восьми ящиках с другими научными материалами (преимущественно рукописями), которые готовили к отправке сотрудники Института⁴⁰.

В годы блокады ленинградцы проводили большую работу по обеспечению сохранности коллекций. Для предохранения предметов и имущества от сырости помещения в сухие и теплые дни проветривались. Коллекции проверялись на зараженность молью и жучками. Ткани, кожаные и меховые вещи выносили во двор, просушивали и проветривали, после чего во время укладки в хранилища пересыпали нафталином. В выборочном порядке то же самое проделывалось с вещами, упакованными в ящики. Когда обнаруживалось, что темнота, сырость, сотрясение во время бомбежек оказали отрицательное влияние на сохранность небольшой части анатомических коллекций, по указанию специалистов были приняты своевременные меры для приведения экспонатов в порядок⁴¹.

Все виды работ находились в поле зрения музейных работников, даже такие, казалось бы, незначительные, но тем не менее необходимые, как проверка всех

ключей, изготовление новых ключей к незакрывававшимся шкафам и сундукам, составление списков шкафов и снабжение их бирками.

Все время блокады приходилось оперативно решать вопросы сохранности самого здания, сильно страдавшего от налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов (была повреждена кровля здания, разрушена часть парапета и балясников, нанесены повреждения кирпичным стенкам и штукатурке, нарушена изоляция подвальных бетонных полов, разбита часть оконных переплетов, перекошены двери, выбиты оконные стекла). Кроме повреждения конструктивных элементов здания частично пострадало и оборудование музея от осколков, а также от сырости и протечек ⁴².

Согласно официальному отчету, в годы блокады «из экспонатов пострадали модели японских парусников, поцарапаны японские лаковые изделия. Повреждены некоторые части моделей жилищ, частично повреждены некоторые культовые маски („уам“) монгольской экспозиции. У некоторых экспонатов в Отделе фондов (щиты, оружие) отвалились мелкие части, повреждена часть манекенов, от сырости покособилась часть иллюстративного материала, текстажа и фотоэкспонаты» ⁴³. Какая скрупулезная точность в оценке повреждений! Какое осознание своей личной ответственности за сохранность не только уникальных коллекций, но и самого обычного музейного имущества!

Музей понес колоссальный урон. Он подсчитан при оценке поврежденного имущества, прежде всего исторического здания Кунсткамеры, и составил на конец 1943 г. 2 437 538 руб. В состав Чрезвычайной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по выявлению и учету причиненного ущерба по ленинградским учреждениям АН СССР 20 мая 1943 г. была включена от МАЭ и.о. ученого секретаря Института в Ленинграде К. В. Вяткина ⁴⁴.

Перестроечные процессы, начавшиеся в Институте в 1943 г., по существу были закреплены в научно-организационном и научном плане в 1944 г. Решением Президиума АН СССР от 9 февраля 1944 г. Институту этнографии АН СССР разрешалось организовать отделение в Москве. Быстро рос численный состав московской части Института, что позволило С. П. Толстову существенно пересмотреть планы научной деятельности Института, изменить состав исполнителей основных работ.

Известно, что до войны в Ленинграде велась работа по подготовке четырехтомника «Народы СССР» и двухтомника по зарубежным народам. Теперь эти издания были объединены, новая серия получила название «Народы мира». Ленинграду были оставлены тома «Народы Средней Азии» и «Народы Сибири». Центр по подготовке всех других томов оказался перенесенным в Москву, хотя некоторые из них практически были завершены в довоенный период, например, по восточным славянам и неславянским народам Европейской части СССР ⁴⁵.

Ленинградская часть была по-прежнему разделена на две группы — ташкентскую и собственно ленинградскую. После полного снятия блокады 27 января 1944 г. создались условия для возвращения сотрудников в родной город. 19 мая в Ленинград вернулся и.о. ученого секретаря Института в Ташкенте Д. А. Ольдерогге, 19 июня Г. М. Василевич, 14 августа зам. директора Н. Н. Степанов, возглавивший ленинградскую часть Института, а также А. А. Попов, М. В. Степанова и М. М. Посенковская. Из других городов вернулись И. И. Зарубин (12 сентября), Н. В. Кюнер (16 сентября), В. В. Гинзбург (1 октября), Т. Л. Юзепчук (1 декабря), М. А. Сергеев (1 ноября) ⁴⁶.

Увеличение состава за счет возвратившихся сотрудников (новых в Ленинграде, в отличие от Москвы, не появлялось) создало лучшие условия для организации наблюдения за сохранностью музейных коллекций, научных материалов и имущества. Это позволило приступить к возрождению структуры отделов. Заведование Отделом Сибири с 1 октября было возложено на А. А. Попова, Отделом Восточной и Южной Азии — на Н. В. Кюнера, Отделом Передней и Средней Азии —

на И. И. Зарубина⁴⁷. В конце года в Институт были зачислены первые аспиранты: Л. А. Молчанова, Т. В. Станюкович, А. И. Новиков, В. Г. Кузнецова⁴⁸.

Ленинградские сотрудники получали материальную помощь в виде ордеров на приобретение одежды и обуви. 3 октября 1944 г. с заявлением в дирекцию по такому вопросу обратился Н. В. Кюннер: «Находясь в течение трех лет в эвакуации и не получая никакого промтоварного снабжения, я совершенно обносился и остро нуждаюсь в ботинках, которые проносились настолько, что их не берут в ремонт, и галошах, которые прорвались и протекают. Для наступающей зимы я нуждаюсь в костюме (зимнем), так как имею лишь летний костюм»⁴⁹.

Несмотря на все трудности, сотрудники подписались на 8070 руб., что составляло 131,33% от их зарплаты⁵⁰. Используя уже накопленный опыт, сотрудники занимались огородничеством⁵¹. Радостным событием в конце 1944 г. было награждение первой группы сотрудников драгоценной наградой — медалью «За оборону Ленинграда». В 1944 г. велась переписка с вышестоящими академическими инстанциями о необходимости реэвакуации всех остальных сотрудников.

В 1945 г. происходил значительный рост научного потенциала коллектива в Москве и частичное восстановление его в Ленинграде. Нельзя согласиться с утверждением, что «по мере возможности были восполнены потери в научных кадрах, которые понес Институт в первые годы войны»⁵². К концу 1945 г. в штате Института насчитывалось 148 человек, примерно поровну распределенных между Москвой и Ленинградом⁵³.

Напомню, что коллектив Института в Ленинграде в первой половине 1941 г. насчитывал 108 человек. Политика С. П. Толстова, направленная на перетягивание центра Института в Москву и создание там численно превосходящего ленинградскую часть коллектива, восторжествовала при полной поддержке Президиума АН СССР.

Залечивал свои раны Ленинград, но людские потери оказались тяжелыми и невозможными. Каждый раз были радостными встречи с возвращавшимися из эвакуации или с фронта сотрудниками. 20 апреля 1945 г. вернулся из Самарканда Д. К. Зеленин, а 17 мая приступили к работе вернувшиеся из Ташкента руководитель группы Е. Э. Бломквист, заведующая библиотечным абонементом Ю. М. Лихтенберг, С. М. Абрамзон, Л. Э. Каруновская, Л. Б. Панек, Е. М. Пещерева, Б. В. Фирштейн, Г. Г. Стратанович, Ф. Б. Шапиро и Т. С. Земскова, а также С. В. Иванов, возвратившийся из Сталинабада. Восстановлены в своих должностях Э. В. Зиберт, К. Л. Задыхина, С. Н. Замятнин, а также зачислены в штат бывшие воины Н. Н. Волков, Г. А. Гловацкий...⁵⁴ «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...».

Приказом директора Института от 21 мая 1945 г. в Ленинграде были образованы уже не отделы, а группы Европы во главе с Е. Э. Бломквист, Америки и Океании во главе с Д. А. Ольдерогге⁵⁵. Просто нельзя не обратить внимания на волюнтаристское распоряжение кадрами: американистка Е. Э. Бломквист, например, при наличии в штате выдающего слависта чл.-корр. Д. К. Зеленина была назначена руководить группой Европы, а африканиста Д. А. Ольдерогге призвали руководить группой Америки и Океании. Может быть, теперь это воспринимается как нонсенс, а тогда все молчали и находили этому обоснование...

Велика была радость, гордость за происходящие события. Ленинградцы всю первую половину 1945 г. готовились к открытию Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. К 220-летию АН СССР (июнь 1945 г.) была развернута юбилейная выставка. Временные выставки следовали одна за другой: по Болгарии, Индонезии, по айнам; выставлены были коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая...⁵⁶. 13 мая прошла научная сессия памяти В. Г. Богораза, а 7—17 июня была проведена большая научная сессия, в которой участвовали многие сотрудники Института⁵⁷.

Однако главную радость составляло осознание, что все горести позади, а впереди много любимой работы, что многонациональный советский народ одержал великую Победу. Трудная жизнь и напряженная работа продолжались...⁵⁸.

Примечания

¹ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 42. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 20 (далее — ПФА РАН).

² Там же. Л. 19.

³ Имеется в виду Ладожское озеро, через которое проходила эвакуация из Ленинграда на Большую Землю в 1942 г.

⁴ Речь идет о готовившемся переезде сотрудников Института этнографии АН СССР из Елабуги и устройстве в Ташкенте.

⁵ *Алексеев Василий Михайлович* (1881—1951) — синолог, академик (1929), профессор ЛГУ, заведующий Дальневосточным Кабинетом Института востоковедения АН СССР. Во время войны в эвакуации находился в Боровом.

⁶ ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 3. Ед. хр. 203. Л. 1—2.

⁷ *Do ut des* (лат.) — «даю, чтобы и ты мне дал».

⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 7. Л. 6, 8.

⁹ Там же. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 3.

¹⁰ *Post factum* (лат.) — букв. после сделанного, после того, как что-либо уже произошло.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 1.

¹² *Рабинович М. Г.* Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны // Советская этнография (далее — СЭ). 1946. № 1. С. 226; *Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А.* Годы войны в жизни С. П. Толстова // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1995. № 3. С. 69.

¹³ Подробнее см.: ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 7—9. 13 марта 1943 г. проф. И. Н. Винникову был отправлен ответ за подписью вице-президента АН СССР акад. А. А. Байкова: «Президиум АН СССР, ознакомившись с Вашим заявлением на имя Президента АН СССР академика В. Л. Комарова по поводу Вашего освобождения от должности Директора Института этнографии сообщает Вам, что освобождение Ваше от указанной должности не может рассматриваться как совершенная по отношению к Вам несправедливость и не находит оснований для пересмотра этого постановления» // Там же. Л. 10.

В архивном фонде И. Н. Винникова также сохранился черновик его письма Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину по этому же вопросу, но неизвестно, посылалось ли оно адресату или И. Н. Винников смирился и сложил оружие, поняв, что добиться пересмотра принятого решения ему уже не удастся // См. Там же. Л. 11—15.

¹⁴ Об этом, в частности, см.: *Формозов А. А.* Русская археология до и после революции. М., 1995. С. 78.

¹⁵ *Фрейман Александр Арнольдович* (1879—1968) — известный ученый-иранист, профессор Ленинградского университета, член-корр. АН СССР (1928). Во время эвакуации жил в Боровом.

¹⁶ Очевидно, пуф происходит от французского *rouf*, что означает ложь, вымысел. Как понятно, такая оценка ситуации отражает исключительно личный взгляд А. А. Попова и в значительной мере объясняется переживаниями момента, сложностями жизни в блокадном Ленинграде, трудностями и неустроенностью быта в эвакуации.

¹⁷ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. 1109. Ед. хр. 1040. Л. 10.

¹⁸ Письмо М. Г. Рабиновича автору от 10 июня 1995 г.

¹⁹ Как считает В. Р. Кабо, С. П. Толстов решил сделать М. О. Косвена своим главным теоретиком и поручил ему разрабатывать матриархальную теорию, удобную тем, что ее приверженцами были Энгельс и Сталин. См.: *Кабо В.* Дорога в Австралию. Воспоминания. Нью-Йорк, 1995. С. 109.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 9. Л. 4, 5.

²¹ Там же. Л. 17.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Там же. Ед. хр. 18. Л. 62.

²⁵ Там же. Л. 62.

²⁶ Там же. Л. 63.

²⁷ Там же.

²⁸ *Токарев С. А.* Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке. М., 1995. С. 181.

²⁹ Там же. С. 184. Попутно отмечу, что дневниковые записи С. А. Токарева являются добротным источником для изучения работы московской группы Института этнографии в военные годы.

³⁰ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. 1109. Ед. хр. 1003. Л. 1.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 18. Л. 61—62.

³² Об этом см.: *Абрамзон С. М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР // Сб. «Советская этнография». Т. II. М.; Л., 1939. С. 208—210.

³³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 34. Л. 12, 13.

³⁴ Письмо М. Г. Рабиновича автору от 10 июня 1995 г.

³⁵ Подробнее см.: *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 232; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1944). Ед. хр. 5. Л. 4, 12, 15.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 18. Л. 131.

³⁷ Там же. Ед. хр. 26. Л. 64.

³⁸ Подробнее см.: *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 230.

- ³⁹ Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А. Указ. раб. С. 72.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1(1943). Ед. хр. 1. Л. 28.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 18. Л. 31.
- ⁴² Там же. Ед. хр. 21. Л. 1
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12—18, 54.
- ⁴⁵ О работе Московской части Института в 1944 г. подробнее см.: Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 230—233.
- ⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1943). Ед. хр. 34. Л. 22, 25, 29, 30, 32, 33; Там же. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 8, 16.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 4—5, 7.
- ⁴⁸ Там же. Л. 10, 13, 14.
- ⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1944). Ед. хр. 21. Л. 126.
- ⁵⁰ Там же. Л. 28.
- ⁵¹ Там же. Л. 49.
- ⁵² Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 233.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 20, 25, 26, 37.
- ⁵⁵ Там же. Л. 24.
- ⁵⁶ Антропова В. В. Музей антропологии и этнографии в 1946 г. // СЭ. 1947. № 1. С. 193—195.
- ⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1946). Ед. хр. 5. Л. 33.
- ⁵⁸ Вопросы истории деятельности Института этнографии АН СССР неоднократно рассматривались в различных статьях главным образом юбилейного характера. Данная статья построена преимущественно на архивном материале. По своей сути она тесно связана с моей статьей «Отдание долга» (Этнографическое обозрение. 1995. № 2—4) и представляет с ней единое целое. Автор будет считать свою цель достигнутой, если данная статья будет способствовать развитию исследований по истории отечественной науки.

Paying the Debts. Part III. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences During the Great Patriotic War (conclusion)

The present essay is the concluding part of the three-part article devoted to the Institute's activities during the 1941—1945 war. Here the Institute's work prior to the war, during the blockade and after its lifting is described. The article is based on archives materials.

A. M. Reshetov